

В КЛЕТКЕ ЕГО ГРЕХОВ

У каждой красавицы есть своё чудовище. Но далеко не каждое чудовище впускает её в свою клетку грехов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КЭТИ М. ДИ

18+

Кэти Ди

В клетке его грехов

«Автор»

2026

Ди К. М.

В клетке его грехов / К. М. Ди — «Автор», 2026

Десять лет назад Кирилл Северский исчез из моей жизни, оставив после себя лишь теплое детское прозвище «Карамель» и разбитые надежды маленькой девчонки. Но теперь он вернулся. И вместо доброго парня из соседнего двора, лучшего друга моего детства, в дом моего брата вошел холодный, безжалостный мужчина с опасным блеском в глазах и шрамами на теле. Я выросла и научилась защищаться от таких, как он. Но стоило мне случайно узнать его тайну, как моя жизнь изменилась навсегда. Я совершила глупость. Думала, что поймала его в ловушку, но в итоге сама оказалась заперта. В клетке его грехов, где у меня больше нет права на побег.

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Незванный гость	8
Глава 2	16
Глава 3	21
По ту сторону льда	21
Глава 4	26
Нарушая границы	26
Глава 5	32
Порочный маршрут	32
Глава 6	37
Сладкий дефицит	37
Глава	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кэти Ди

В клетке его грехов

Пролог

Говорят, что время лечит. Говорят, что детская память стирает самое страшное, защищая неокрепшую психику. Но это ложь. Я помню каждую деталь того дня, когда мой мир навсегда раскололся на «до» и «после».

Родители любили друг друга до безумия. Каждый год, в один и тот же осенний месяц, они оставляли нас с Матвеем дома и уезжали на неделю в маленький курортный городок у реки. Это был их нерушимый ритуал — побыть только вдвоем, сбежать от суеты и просто наслаждаться моментом. Тот дождливый октябрьский день не должен был стать исключением. Они возвращались домой, счастливые и отдохнувшие. Дорогу размыло, видимость была нулевой. Папа просто не справился с управлением на скользком шоссе... Машина пробила ограждение и слетела с высокого моста в ледяную воду. Шансов не было.

И вот я, маленькая восьмилетняя Каралина, стою посреди огромного, чужого и пугающего кладбища.

Погода будто издевалась, вторя моему горю. Небо затянуло тяжелыми, темными тучами, и на старые гранитные надгробия падал нескончаемый, мелкий и холодный дождь. Вокруг пахло сырой землей, увядшими цветами и хвоей. Я была одета в строгое черное платье, которое бабушка купила накануне. Оно кололо кожу, но мне было плевать. Из глаз бесконечным потоком лились слезы, размывая лица соболезнающих родственников, превращая их в безликую серую массу.

Мне казалось, что если я отпущу руки тех, кто стоял рядом, я просто упаду в эту черную яму вслед за гробом.

С левой стороны меня крепко сжимал за ладонь Матвей. Мой старший, взрослый восемнадцатилетний брат. Его пальцы дрожали, он изо всех сил старался держаться, но я видела, как по его щекам смешивались с каплями дождя горькие слезы. С этого дня он стал не просто моим братом — он стал моим единственным официальным опекуном, нашей последней опорой, если не считать старенькую, почерневшую от горя бабушку.

А с правой стороны мою маленькую, ледяную ладошку согревала другая рука. Большая, надежная и теплая. Кирилл. Лучший друг Матвея. Ему тоже было восемнадцать, но в тот день он казался мне самым сильным человеком на земле. Он не плакал. Его челюсть была плотно сжата, а взгляд темных глаз направлен куда-то в пустоту. Кирилл просто был рядом, деля это страшное бремя с нашей семьей, и его присутствие дарило странное, почти осязаемое чувство безопасности.

Как только официальная, невыносимо долгая церемония прощания подошла к концу, толпа двинулась в сторону автобусов. Кирилл не дал мне сделать и шагу по грязной кладбищенской аллее. Он осторожно, словно я была сделана из хрупкого стекла, подхватил меня на руки. Мое черное платье намокло, я уткнулась носом в его кожаную куртку, пахнущую дождем и его одеколоном, и беззвучно всхлипывала.

Кирилл донес меня до старенькой машины своего отца, бережно усадил на заднее сиденье и протянул бутылку прохладной воды.

— Попей, Карамель, — тихо, но твердо сказал он, и это детское прозвище впервые прозвучало не как дразнилка, а как самое нежное обещание защиты. — Всё будет хорошо. Мы с Матвеем рядом.

Он закрыл дверь, сел на переднее сиденье рядом с Матвеем, и мы поехали к нам домой. Пока бабушка осталась на кладбище, чтобы координировать родственников и заниматься тяжелым процессом организации поминок в ресторане, парни единогласно решили: мне там делать нечего. Детской психике и так хватило кошмара. Они просто увозили меня туда, где всё еще хранило тепло мамы и папы.

Я смотрела в окно на размытые капли дождя, прижимая к себе бутылку воды.

Когда мы вернулись домой, в пустой квартире стояла пугающая тишина. Чтобы скрыться от нее, я быстро переоделась в свою любимую теплую пижаму, забралась в кровать и с головой спряталась под огромное пушистое одеяло, пытаясь согреться.

Дверь в комнату тихо скрипнула. Кирилл вошел без лишних слов. Он присел на край постели, а затем аккуратно лег рядом прямо в одежде, беря с прикроватной тумбочки старую детскую книгу в твердом переплете.

— Время для обеденного сна, — проговорил он, едва заметно усмехаясь, чтобы хоть как-то вернуть в мою жизнь привычный распорядок.

Он листал страницы, выискивая нужную. Кирилл читал мне сказку про «Красавицу и Чудовище» каждый раз, когда оставался со мной сидеть. И я всегда наслаждалась его слегка хриловатым, спокойным голосом, который убаюкивал лучше любых лекарств.

Атмосфера в комнате была слишком тяжелой, я всё еще мелко дрожала. Кирилл это видел и, на мгновение оторвавшись от книги, мягко щелкнул меня по носу, пытаясь разбавить эту удушающую скорбь.

Я шмыгнула носом и, сквозь тихие всхлипы утирая мокрые щеки рукавом пижамы, хрипло прошептала: — Всё-таки твоему папе надо рассказать, что ты куришь за гаражами...

Кирилл на секунду замер, а затем тихо, так же хриловато посмеялся, качая головой от моей детской непосредственности.

— Ах вот ты как? Ну держись, Карамель. Если расскажешь — я тогда все твои любимые конфеты найду и перепрячу. Хрен найдешь.

Я обиженно надула губы, хотя на душе впервые за этот бесконечный день стало капельку легче. Кирилл лишь тепло чмокнул меня в макушку, пахнущую дождем, и приказал:

— Всё, закрывай глаза, шантажистка. Слушай.

В этот момент дверь в комнату снова приоткрылась. На пороге стоял уставший, осунувшийся Матвей. Он посмотрел на нас, и парни лишь одобрительно друг другу кивнули — без слов, как могут только лучшие друзья. Матвей понял, что я в надежных руках, и пошел в гостиную, чтобы побыть в тишине.

Я расслабилась, положила ладошку Кириллу на живот, слегка приобняла его и закрыла глаза, вслушиваясь в его голос. Было очень странно: книга-то была одна и та же, но каждый раз он рассказывал эту сказку совершенно по-разному.

Я помнила, как в самое первое время, когда они только познакомились с Матвеем, я упрямо заставила Кирилла почитать мне. Тогда он, смущаясь и чертыхаясь, просто быстро прочитал текст по бумажке и буквально сбежал из моей комнаты. Во второй раз, когда Матвей запер нас вместе, Кирилл уже что-то упрямо придумывал на ходу, путая имена. Ну а дальше пошло само собой.

И вот теперь он лежал рядом со мной на подушке и сочинял совершенно иной, свой собственный рассказ. Историю о прекрасной красавице Карамели и страшном, одиноком Чудовище, которое жило в мрачном замке. Сначала мне было слегка страшно слушать его новые подробности, но по итогу... чудовище в его сказке оказалось очень даже добрым. Оно защищало свою девочку от всего мира и никогда не давало в обиду.

Я засыпала под его хриплый голос, твердо уверенная, что мое личное «чудовище» всегда, даже когда я вырасту, будет охранять мой сон.

Тот кошмарный день забрал у меня слишком много сил, и в итоге я проспала до самого следующего дня. Когда я наконец открыла глаза, за окном уже вовсю светило утреннее солнце. Из гостиной доносились громкие крики, смех и резкие звуки виртуальных взрывов — мальчишки уже во всю играли в приставку, пытаясь отвлечься от тяжелых мыслей.

Я, всё еще сонная, в своей помятой пижаме и с растрепанными волосами, тихо побрела на звук. Стоило мне показаться в дверях гостиной, как парни тут же оба подскочили со старого кожаного дивана, побросав джойстики. Забыв про игру, они наперебой затараторили, направляясь вместе со мной на кухню:— Караля, ты как? — Матвей обеспокоенно заглядывал мне в лицо. — Живот не болит? Есть хочешь? Мы там блинчики пытались пожарить, правда, они немного подгорели...

— Эй, Карамель, ну и вид у тебя, — Кирилл, шедший следом, то и дело добродушно смеялся, пытаясь расшевелить меня своей привычной подколкой. — Глаза опухли так, словно тебя ночью пчелы покусали. Улей грабила, признавайся?

От его наглости во мне тут же проснулась былая вредность. На столе как раз лежала чистая чайная ложка. Недолго думая, я схватила её и со всей силы бросила прямо в Кирилла. Он со смехом увернулся, поймав её на лету, а Матвей лишь шутливо погрозил мне пальцем.

Кирилл жил по соседству, поэтому каждый день забегал к нам на завтрак. Он вечно тырил мои оладья из тарелки, пока я, надутая и сонная, собиралась в школу. Он подвозил меня до школы и всегда забирал, когда Матвей задерживался на учебе или подработках. Иногда я оставалась у них с дядей Ромой в гостях, когда Матвей работал в ночь, чтобы заработать нам на жизнь. Дядя Рома относился ко мне как к родной дочери, и в их квартире всегда пахло выпечкой и уютом. Мне казалось, что эта идиллия будет длиться вечно.

Но однажды дядя Рома тяжело заболел. Кириллу пришлось срочно увезти его в другой город на лечение, где были нужные специалисты и больницы. А спустя еще несколько недель Кирилл вернулся — но только для того, чтобы собраться самому. Он уезжал насовсем.

В день отъезда он крепко обнимал меня, вытирая мои слезы. Он обещал, что обязательно приедет. Обещал, что будет звонить мне по видеосвязи и иногда рассказывать новые сказки. Клялся, что наша дружба останется навсегда.

— Ведь ты моя Карамель, — шептал он тогда, пытаясь заставить меня улыбнуться. — Такая сладкая, что кариес на зубах появится. Я никогда тебя не забуду.

Но я была глупой восьмилетней девчонкой. Я не знала, что он меня обманет.

С тех пор я его не видела, не слышала и не знала о его жизни совершенно ничего. Номера молчали, соцсети исчезли. Он просто стер себя из нашего мира. Моё детское сердечко тогда разбилось на мелкие осколки, а мое любимое сказочное «чудовище» оказалось обычным трусливым уруном.

Глава 1

Незванный гость

10 лет спустя...

Вчера мне исполнилось восемнадцать. Возраст, когда перед тобой, если верить глупым открыткам, открываются все двери. Вот только сегодня утром передо мной открылась лишь одна дверь — дверь кладовки, из которой мне пришлось доставать моющий пылесос, кучу тряпок и огромные черные мешки для мусора.

Весь день я посвятила одной монументальной цели — ликвидации последствий стихийного бедствия под названием *«День рождения Каралины Леоновой»*. И организовала этот погром, на минуточку, не я. Мой старший брат Матвей превзошел сам себя. Он созвал половину моих друзей из университета, притащил кучу своих знакомых, нанял кейтеринг, диджея и устроил такое шоу, что стены дрожали.

Мы знатно зажгли в этом огромном двухэтажном особняке, в который переехали всего пару лет назад. Дом был роскошным: панорамные окна в пол, выходящие на сосновый бор, огромная гостиная с дизайнерским камином, полы из светлого мрамора и винтовая лестница, ведущая на второй этаж, где располагались наши спальни. Настоящая крепость из стекла и бетона.

Сегодня от этой эстетики не осталось и следа. Голова трещала так, словно по ней били отбойным молотком, хотя я, в отличие от гостей, за всю ночь не пригубила ни капли алкоголя. Хватило диких басов, криков и бесконечных танцев.

Матвей за последние десять лет знатно поднялся. Из испуганного восемнадцатилетнего пацана, у которого на руках осталась маленькая сестренка, он превратился в акулу бизнеса. Он построил с нуля успешную строительную компанию, ворочал миллионами и по сей день делал абсолютно всё, чтобы я ни в чем не нуждалась. Лучшие частные школы, брендовая одежда, личный автомобиль прямо к совершеннолетию — он буквально сдувал с меня пылинки. Я была безумно, до слез благодарна ему за каждую секунду моей сытой и безопасной жизни.

Была благодарна. До сегодняшнего дня.

Потому что сегодня, оттирая след от пролитого кем-то вишневого сока на светлом мраморе кухни, я мысленно проклинала брата всеми матерными и ядовитыми словами, которые только знала.

В этот момент Матвей просто выполз из своей комнаты на втором этаже. Выглядел он, мягко говоря, помято, но даже утреннее похмелье не могло испортить его чертовски привлекательную внешность. Мой брат за эти годы превратился в настоящего завидного холостяка. Высокий, с идеальной линией челюсти, волевым подбородком и точеными, будто высеченными из мрамора чертами лица. Его темные, слегка растрепанные после сна волосы падали на лоб, а густые брови были хмуро сведены к переносице от головной боли. Он был одет в простую черную футболку, которая плотно обтягивала его мощные, рельефные плечи и крепкие бицепсы — результат его вечных тренировок, которыми он глушил стресс от бизнеса. Матвей лениво скрестил на груди свои мускулистые руки, опёрся о косяк и уставился на меня своими пронзительными глазами.

Кое-как дойдя до раковины, он ласково потрепал меня по голове, взъерошив мои и без того непослушные волосы, и хрипло похвалил:

— Умница, Каралы. Чистота — залог здоровья.

Я демонстративно увернулась от его ладони и раздраженно буркнула в ответ:

— Мог бы и клининг вызвать, бизнесмен хренов! У меня руки уже отваливаются.

Матвей снисходительно усмехнулся, медленно направляясь к нашему огромному двухдверному холодильнику.

— Тебе восемнадцать, Краля, — проговорил он, открывая дверцу и доставая запотевшую бутылку ледяной воды. — Пора вступать во взрослую жизнь. Покажи, на что ты способна. Так-то это твоя вечеринка была, не забывай.

Он жадно сделал несколько глотков прямо из горлышка.

— Матвей, так нечестно! — вскинулась я, скрестив руки под грудью. — Идея была твоя, гости твои, а отдуваюсь я?

В этот момент тишину дома безжалостно разрезал настойчивый писк дверного звонка.

— Сам иди открывай, — буркнула я, отворачиваясь к столу, собирая в кучу пластиковые стаканчики и мимоходом поправляя сползшую лямку своей домашней шелковой пижамы.

Матвей со стоном завертел головой, картинно страдая от громкого звука, и выдал:

— Карая, имей совесть. Если я сейчас сделаю еще хоть один резкий шаг, моя голова просто взорвется и забрызгает твои идеально чистые полы. Ты ведь не хочешь убираться заново? Будь сестрой, спаси брата от гибели на пороге.

Я только глаза закатила на его актерские этюды. Матвей, тяжело вздыхая и продолжая ворчать себе под нос, всё-таки поплелся в холл.

Я продолжала собирать мусор, как вдруг в коридоре повисла странная, внезапная тишина. Секунда, две, три... Никаких голосов. Я уже хотела пойти проверить, не упал ли Матвей там в обморок, как вдруг тишину разорвал оглушительный, искренне радостный голос моего брата:

— Да ладно?! Глазам своим не верю! Сколько лет, сколько зим! Ну заходи, заходи скорее, чего на пороге стоишь?

Матвей о чем-то бурно заговорил, его голос так и лучился неподдельным восторгом, а в ответ ему раздался другой голос — более низкий, бархатистый и до боли знакомый.

Послышались шаги. Две пары ног уверенно направились из холла прямо в гостиную, совмещенную с кухней.

Я замерла на месте с пакетом для мусора в руках, не в силах пошевелиться, пока Матвей не завел гостя в комнату. И стоило мне поднять глаза, как я поняла: мое сегодняшнее утро официально испорчено окончательно. Потому что за спиной брата стоял Кирилл Северский.

Сначала я подумала, что мне просто показалось. Что это похмельный бред Матвея передался мне по воздуху, и у меня начались галлюцинации. Потому что выглядел он уже совершенно иначе — по-взрослому, пугающе и чертовски дорого.

Из-за спины брата в гостиную шагнул мужчина, от одного вида которого по комнате прошел ощутимый ледяной сквозняк. Кирилл Северский превратился в ходячий грех. Его смуглая кожа контрастировала с темными, слегка влажными волосами, небрежные пряди которых падали на лоб. Острые, как лезвие ножа, скулы, хищный разрез невероятно светлых, льдистых глаз, которые буквально пригвождали к месту. Он был одет в черную рубашку, верхние пуговицы которой были дерзко расстегнуты, обнажая шею и ключицы, густо покрытые темными, замысловатыми татуировками. На груди поблескивала серебряная цепочка с крестом, а на запястье тяжелыми стальными звеньями поблескивали дорогие часы. Строгие черные брюки и идеально начищенные туфли — а может, и абсолютно новые, хрен его знает, этого чудовища. От него за километр веяло большими деньгами и властью.

В своих татуированных руках, на которых красовались перстни, этот козёл держал небольшую, аккуратную белую коробку с пышным голубым бантиком. Увидев меня, Кирилл лениво подпер подбородок ладонью и довольно, даже как-то хищно улыбнулся.

Он медленно, с головы до ног смерил меня своим сканирующим взглядом. А я в этот момент зло поправляла дурацкую сползающую лямку пижамы и обеими руками держала огромный черный мусорный пакет. Сказать, что я выглядела на его роскошном фоне чудесно? Нет. Я выглядела как побитая жизнью бомжара, которая только что вышла из недельного запоя. На голове — гнездо, под глазами — синяки от недосыпа.

Заметив мою растерянность, Кирилл прищурился, и в его глазах блеснул знакомый издевательский огонек. — Надо же... — хрипло, с легкой бархатистой усмешкой протянул он. — Десять лет прошло, а улей, я смотрю, ты так и не бросила грабить. Пчелы всё еще тебя знатно покусывают по утрам, Карамель.

От этого прозвища и его наглости у меня внутри всё аж закипело. Я яростно сощурила глаза, готовая испепелить его на месте.

— Караля, ты чё замерла? Не узнала, что ли? — Матвей весело толкнул друга локтем в бок, абсолютно не замечая, какая между нами летает высоковольтная молния. — Это же Кирилл! Помнишь, Ромки сына? Он вернулся!

— Да хрен его знает, — ледяным, пропитанным ядом голосом проговорила я, вздернув подбородок. — Если он пришел за мелочью, Матвей, то скажи ему, что мы подачки бродягам по утрам не подаем. Перепутал особняк.

Лицо Кирилла ни на секунду не изменилось, лишь хищная улыбка стала еще чуть шире, а взгляд потемнел, обещая мне скорую расплату за дерзость.

— Всё, мне это надоело! — прошипела я, чувствуя, как обида и злость душат меня изнутри.

Я с размаху кинула тяжелый пакет с мусором прямо на пол и с силой пнула его ногой в их сторону. Пакет с глухим стуком подкатился прямо к начищенным туфлям Кирилла.

— Сам убирай свой чертов бардак! — рявкнула я на брата, а затем махнула рукой в сторону, демонстративно даже не глядя на незваного гостя. — Или вон... пускай твой приезжий клининг вызывает и всё тут драит. А я всё. У меня дела!

Я развернулась и гордой, стремительной походкой направилась к винтовой лестнице, мечтая поскорее запереться в своей комнате.

Влетев в свою комнату, я с силой захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Этот козёл... Как он смеет заявляться сюда спустя десять лет и вести себя так, будто ничего не произошло?

Злость требовала выхода. Мне жизненно необходимо было сбежать из этого дома, подальше от его взгляда. Я стремительно подошла к зеркалу, наспех завязала волосы в небрежный высокий пучок, смыла остатки вчерашнего макияжа и переоделась. Вместо шелковой пижамы натянула короткие спортивные шорты и обтягивающий топ. Схватив сумку, я принялась хаотично кидать туда бутылку для воды, беспроводные наушники и фитнес-резинки. На самом деле у нас в особняке был отличный тренажерный зал в отдельной комнате, но сейчас мне просто нужно было свалить. Куда угодно, лишь бы не дышать с ним одним воздухом.

В дверь тихо постучались. Я даже не успела крикнуть «нельзя», как ручка дернулась, и дверь приоткрылась.

Кирилл вошел без спроса, аккуратно и бесшумно прикрыв за собой створку. Он остался стоять у порога, засунув руку в карман брюк, и принялся неторопливо, с хищным интересом осматривать мою комнату.

Мое личное пространство было полной противоположностью его мрачному образу. Комната была просторной, очень светлой, с огромной кроватью посередине, большим шкафом-купе и зеркалами в пол, которые сейчас отражали нас двоих. Над изголовьем кровати тянулись многочисленные полки, заставленные плюшевыми игрушками — подарками от университетских и школьных друзей. Рядом красовались мои школьные награды, дипломы из вуза и даже сверкающая корона, которую я получила на выпускном как Королева бала. В углу

уютно устроились гитара и синтезатор, на стенах висело несколько постеров моей любимой рок-группы, а на рабочем столе возвышалась аккуратная стопка тяжелых учебников.

Кирилл медленно перевел взгляд с постеров на стопку книг, и на его губах заиграла едва заметная улыбка.

— Очень миленько, — низким, бархатистым голосом констатировал он. — Настоящая девичья цитадель.

Он неторопливо прошелся по комнате, заставив меня инстинктивно напрячься. Кирилл остановился у моего туалетного столика, заставленного парфюмом, и взял в руки небольшую серебряную рамку. Посмотрев на фотографию, он тихо, хрипло усмехнулся.

На том снимке десятилетней давности, сделанном на старую мыльницу, я стояла в обнимку с Матвеем, счастливая и беззаботная. Вот только на этом фото изначально был еще один козел — сам Кирилл, стоявший по правую руку от брата. Но года три назад, в порыве очередной злости, я аккуратно, но безжалостно загнула край фотографии внутрь рамки, спрятав его физиономию с глаз долой.

Кирилл ничего не сказал по этому поводу. Он лишь скользнул пальцем по стеклу, задержавшись там, где под картоном было спрятано его лицо, и аккуратно поставил рамку на место.

— Я опоздал вчера к началу, — спокойно произнес он, поворачиваясь ко мне и сокращая расстояние. Он аккуратно положил коробку с пышным голубым бантиком на столик. — Поэтому подарок сегодня. С совершеннолетием, Карамель.

Я резко застегнула молнию на спортивной сумке, вскинула её на плечо и посмотрела прямо в его пугающие глаза, напивав свой голос максимальным количеством яда:

— Не стоило так утруждать себя, Северский. Мог бы вообще не возвращаться — ни вчера, ни сегодня, ни через следующие десять лет. Мне твои подачки не нужны.

Кирилл сделал еще шаг вперед, заставляя меня упереться бедром в край рабочего стола, и сверху вниз посмотрел на мое решительное, злое лицо...

— Моя Карамелька повзрослела и отрастила иголки, — вкрадчиво проговорил Кирилл, и в его низком голосе проскользнули опасные, странные нотки.

Вместо ответа я лишь упрямо вздернула подбородок, отказываясь показывать, как сильно у меня внутри всё дрожит от его пугающей близости. Резко развернувшись, я уверенно обошла его, стараясь держать дистанцию, и направилась напрямик к двери.

— И забудь это дурацкое прозвище, Северский, — бросила я через плечо, берясь за дверную ручку. — Ты потерял право называть меня так еще десять лет назад. Для тебя я Каралина.

Я уже потянула ручку на себя, мечтая поскорее покинуть эту комнату, где из-за него стало слишком мало кислорода. Но его следующий тихий вздох заставил меня на секунду замереть.

— Ты стала очень красивой, Кара, — негромко произнес он. В его голосе не было издевки — только мужская констатация факта, от которой по моей коже против воли пробежали опалюющие мурашки.

Я обернулась и в последний раз смерила его самым холодным и злым взглядом, на какой только была способна, крепче сжимая ремень спортивной сумки.

— Я всегда была красивой, Северский, — отчеканила я, глядя прямо в его льдистые глаза. — А вот ты за эти годы стал редкостным козлом.

С этими словами я решительно шагнула в коридор и с оглушительным, яростным грохотом хлопнула дверью прямо перед его носом.

Я зло спускалась по винтовой лестнице, когда внизу мне преградил путь Матвей. На нем уже была свежая рубашка — брат явно собирался по делам.

Я инстинктивно подняла голову и замерла. Наверху, прямо у перил второго этажа, уже стоял Кирилл. Отрешенный, холодный, он лениво оперлся ладонями о поручень и сверху вниз сверлил нас своим фирменным, тяжелым взглядом.

— Вы что, поругались? — Матвей переводил недоуменный взгляд с меня на друга. — Карала? Что произошло?

— Это не обсуждается, Матвей, — отрезала я, строго проходя мимо него к выходу и бросая сумку на пуфик.

Я быстро принялась натягивать кроссовки. Но даже не глядя наверх, я кожей ощущала этот цепкий, обжигающий взгляд на своей спине. А может, и на заднице. Потому что я так и торчала ей кверху, пока дурацкий кроссовок предательски застрял на пятке, заставляя меня злиться еще сильнее.

— Каралина, ну в самом деле, в чем дело? — Матвей нахмурился, искренне не понимая моей агрессии. — Мы не виделись десять лет. Откуда в тебе столько злости к нему?

Я наконец справилась с обувью, резко выпрямилась и закинула сумку на плечо.

— Это *твой* друг, Матвей, — выделила я первое слово, с вызовом посмотрев на брата, а затем на секунду переведя взгляд наверх, на замершего у перил Кирилла. — Вот и милуйтесь с ним. Вспоминайте детство, общайтесь за жизнь, за шрамы, за всё, что хотите. А я пошла. У меня есть свои друзья. И вообще, меня на улице уже Макс ждёт. Пока!

Я быстро подскочила к Матвею, коротко чмокнула его в щеку, обдав ароматом своих парфюмов, и решительно толкнула входную дверь.

Макс был моим «*парнем и не парнем*» одновременно. Он отчаянно пытался добиться моего статуса официальной девушки, но я упорно держала его во френдзоне на вытянутой руке. Изредка, под хорошее настроение, я позволяла ему приобнять меня за талию или быстро чмокнуть в щеку, просто чтобы он совсем не терял надежду. Сегодня он был идеальным предлогом для побега.

Я провела в тренажерном зале половину дня, выплескивая всю злость и обиду на беговой дорожке и тренажерах. Там же приняла ледяной душ, немного привела себя в порядок и переоделась в вещи, которые предусмотрительно прихватила с собой в сумке. Натянула ультракороткие рваные джинсовые шорты с черным кожаным ремнем, обтягивающий черный топ-кроп, оголяющий плоский живот, а сверху накинула свободную бежевую рубашку оверсайз. Волосы собрала в высокий небрежный пучок, оставив пару кокетливых прядей у лица, надела солнцезащитные очки, а образ завершила маленькая черная сумочка на цепочке.

На обратном пути я забежала в кофейню за любимым айс-латте и приехала домой только к вечеру, уставшая, но довольная. Кое-как удерживая плечом зажатый у уха телефон, я тащила в руках шуршащие пакеты после спонтанного шоппинга. Я была на сто процентов уверена, что этот незванный гость уже уехал из нашего особняка — снова покорять свои амбиции и вешать лапшу на уши другим наивным дурочкам.

Спокойно скинув кроссовки в холле, я, продолжая болтать по телефону, потащилась на второй этаж.

— Макс, я тебе говорю, там работы выше крыши, отвали уже, а? — раздраженно выдохнула я в трубку, перехватывая пакеты. — Конечно, нет! Я тебе что, модель на выезд? Всё, давай завтра поговорим.

Коротко попрощавшись, я сбросила звонок, швырнула покупки на кровать в своей комнате и тут же побрела вниз — тишина дома начала немного давить.

— Матвей! — крикнула я на весь особняк, спускаясь по винтовой лестнице.

— Да я на кухне! — отозвался брат.

Я, попивая через трубочку свой холодный кофе, спустилась вприпрыжку вниз, предвкушая спокойный вечер.

— У меня новости! — весело проговорила я, заворачивая за угол к барной стойке, и в ту же секунду просто выплюнула кофе обратно, брызгая им во все стороны.

Мои глаза чуть из орбит не вылезли. Передо мной у барной стойки сидели Матвей и Кирилл. И выглядели они... как и всегда тогда, десять лет назад. Никаких дорогих костюмов

и пафоса. Оба были в простых домашних майках-алкоголичках и свободных спортивных штанах. Они лениво пили кофе и о чем-то тихо переговаривались.

— Какого... — проговорила я, судорожно утирая тыльной стороной ладони подбородок и губы от потекшего латте.

Матвей тяжело вздохнул, вставая со своего стула и беря рулон бумажных полотенец.

— Вообще-то я заказывал профессиональный клининг, — проворчал брат, принимаясь вытирать мои кофейные брызги с полированного дерева стойки.

Я замерла, переводя дикий взгляд с брата на Северского. Мозг наотрез отказывался принимать эту реальность.

— Так, стоп, — я выставила ладонь вперед, приказывая им не двигаться, и показала пальцем на стену коридора. — Я сейчас вот за этот угол зайду... Постою. Потом вернусь, — я ткнула пальцем обратно на свое место. — И если эта рожа всё еще будет тут сидеть, я жду очень подробных объяснений!

Развернувшись, я босыми ногами быстро прошлепала обратно за стену холла. Сердце бешено колотилось. Я постояла в темноте коридора ровно пять секунд, досчитала до пяти, глубоко вздохнула и вернулась на кухню.

Они снова сидели там. Точно в тех же позах.

Только теперь Кирилл уже намеренно, во весь голос хохотал, откинув голову назад и демонстрируя ровные зубы и татуированную шею. Мой глупый перформанс его знатно повеселил. А вот Матвей лишь устало покрутил пальцем у виска, глядя на меня как на умалишенную.

— Не обращай внимания, — бросил брат Кириллу, возвращаясь на свое место. — Она еще не выросла. Малолетка.

— Какого хрена он всё ещё сидит в нашем доме, Матвей?! — прошипела я, проигнорировав выпад про возраст и упрямо скрестив руки на груди.

Брат вместо ответа лишь примирительно похлопал ладонью по соседнему свободному стулу рядом с собой.

— Сядь, Караля. Поговорим.

Я сердито сопела, но делать было нечего — гордость гордостью, а узнать, что происходит, было важнее. Я подошла и с размаху опустила свою пятую точку на высокий стул, буравя Кирилла уничтожающим взглядом. Северский же, заметив мои короткие шорты и голые ноги, мгновенно перестал смеяться. Его взгляд потяжелел, опустился к моим бедрам, а затем снова поднялся к глазам, транслируя чистую, неприкрытую провокацию...

Матвей, сделав глубокий вдох, принялся спокойно объяснять ситуацию:

— Кирилл поживет у нас в гостевой комнате, пока у него не образуются дела в городе. Он здесь ненадолго, поэтому снимать квартиру сейчас просто нет смысла.

Я лишь пробуравила Северского уничтожающим взглядом, демонстративно опустив глаза к его левому запястью.

— Ну, судя по его часам, у него достаточно бабла, чтобы снимать половину этого города, — ядовито усмехнулась я. — Он что, решил сэкономить за наш счёт? Накопительную карту нашего дома оформлять будем?

Кирилл слегка наклонился вперед над гранитной столешницей, лениво отодвигая в сторону свою чашку с кофе. В его глазах зажглись опасные, дразнящие искорки.

— Не переживай, Карамель, я куплю тебе конфет за аренду.

— Я не ем конфеты, — прошипела я, подаваясь к нему навстречу так, что между нашими лицами осталось от силы сантиметров тридцать. — Хотя откуда вам знать, мистер... как вас там? Ах да, Кирилл «Я-вышел-на-минуту-и-сдох-на-десять-лет» Северский. Память, видимо, отшибло вместе со шрамами?

Кирилл лишь плотно сжал губы, удерживая на лице ленивую, порочную усмешку. Моя колкость попала в цель, но он даже бровью не повел, принимая удар.

— Так, Караля, это не обсуждается, — строго вмешался Матвей, потирая виски.

— Так, стоп! — я с силой хлопнула ладонью по столу, отчего оба парня инстинктивно вздрогнули, а чашки звякнули о блюда. — У нас в доме только одна свободная гостиная. И она, на минуточку, находится прямо рядом с моей комнатой! Я против! — я тут же упрямо сложила руки на груди. — Пусть тогда живет в твоей спальне, Матвей, а ты переезжай в гостиную. Он же всё равно не задержится надолго, да?

— Месяц. Минимум, — спокойно, растягивая слова, проговорил Кирилл.

В этот момент я как раз сделала очередной глоток своего латте и... снова выплюнула кофе. Но на этот раз не на пол. Весь фонтан кофейных брызг полетел точно в цель — прямо на белоснежную домашнюю майку Кирилла, мгновенно расплываясь уродливыми грязными пятнами на его груди.

— Сбрендил, что ли?! — рявкнула я, вскакивая со стула, пока Кирилл медленно, с убийственным спокойствием опускал взгляд на свою испорченную майку. — Он не может вот так просто наобещать золотых гор, пропасть, а потом вернуться спустя десять лет и жить тут как ни в чем не бывало! Словно за хлебом в магазин сходил! Матвей, мы даже не знаем, кто он теперь такой! Ты посмотри на него — козлина расписная! Тюремщик какой-то или убийца. Перережет нам глотки ночью и растащит всё из дома!

— Караля! — рявкнул Матвей, и в его голосе впервые прорезался жесткий директорский тон. — Ты перегибаешь. Кирилл — мой друг. И ты не можешь выгнать его на улицу.

— А вот и могу! — протестовала я, чувствуя, как к горлу подкатывают злые слезы обиды.

— Разговор окончен, — отрезал брат, поднимаясь. — Кирилл остается в гостиную столько, сколько нужно.

Я лишь смерила Матвея диким, полным разочарования взглядом. А Кирилл, скотина эдакая, сидел напротив, вальяжно закинув руки за голову, и издевательски мне подмигнул.

— Может, хотя бы откроешь подарок? — вкрадчиво проговорил он, пододвигая ко мне по столешнице ту самую белую коробку, которую он, видимо притащил за собой из моей спальни.

Я яростно вырвала коробку из его рук. Сорвала этот дурацкий голубой бантик, разорвала картон и впиалась взглядом в содержимое. Внутри лежала книга «Красавица и Чудовище». Но не старая, потрёпанная, а новое, коллекционное издание с шикарным кожаным оформлением, золотым тиснением и потрясающими акварельными иллюстрациями.

— Мне не восемь лет! — разозлилась я, переходя на яростный, прерывистый шепот. — Я давно не люблю эту глупую детскую ерунду!

Я с силой швырнула тяжелую книгу обратно в его сторону — она с глухим стуком проехала по столу и врезалась Кириллу прямо в грудь.

— Мне восемнадцать, идиот! И я давно не маленькая глупая девчонка, которой можно заткнуть рот сказкой! Ты бы это знал... — мой голос на секунду прервался от душащего комка в горле, — ты бы знал это, если бы за десять лет хоть раз поинтересовался, как у нас дела.

По кухне разнеслась оглушительная тишина. Улыбка мгновенно сползла с лица Кирилла, а его льдистые глаза потемнели, превращаясь в два бездонных грозовых омуты. Он перевел взгляд с книги на меня, и в его позе промелькнуло что-то пугающее, тяжелое и давящее.

Не став дожидаться ответа, я развернулась и молча ушла наверх, изо всех сил стараясь держать спину прямой и не разрыдаться прямо при них.

Глава 2

Я проснулась от настойчивого, вибрирующего жужжания телефона на прикроватной тумбочке. Солнечные лучи уже вовсю резали глаза сквозь незанавешенные панорамные окна, а голова казалась тяжелой.

Кое-как нащупав трубку, я принялась наослеп тыкать в экран.

— Аллю... — прохрипела я в динамик, утыкаясь лицом обратно в подушку.

— Леонова, ты где?! Лекция через пятнадцать минут начнется, препод уже на кафедре списки сверяет! — из трубки затараторил панический голос моей однокурсницы Катьки.

Я мгновенно сфокусировала взгляд на настенных часах и испуганно запищала, сдерживая с себя одеяло и с размаху подскакивая с кровати. Зажав телефон плечом у уха, я принялась хаотично метаться по спальне.

— Боже мой, Катька, я проспала! Я полночи уснуть не могла из-за одного... — я осеклась, прикусив язык, — короче, из-за бессонницы! Приеду — всё расскажу. Буду минут через двадцать... ну, или тридцать. Пожалуйста, прикрой меня перед преподам, придумай что-нибудь!

Я сбросила вызов, швырнула смартфон на кровать и пулей полетела в ванную. За рекордно короткие пять минут я успела умыться, почистить зубы и нанести легкий макияж, чтобы скрыть следы ночных переживаний.

Времени выбирать наряд не было совершенно. Я выудила из гардеробной вещи, которые всегда спасали в режиме экстремальной спешки. Тонкая белая рубашка оверсайз, которую я небрежно завязала узлом на талии, слегка обнажая полоску живота, и легкая черная мини-юбка в мелкий белый цветочек, кокетливо подчеркивающая мои загорелые ноги. Захватив солнцезащитные очки, цепочку с крестиком и небольшую светлую сумку, я выскочила из комнаты.

Я быстро, едва не соскальзывая, сбежала босиком по винтовой лестнице прямо в сторону кухни. Мой желудок требовал хоть какой-то еды. В этот момент у барной стойки уже сидел Кирилл, неторопливо попивая свой утренний кофе. Но мне было настолько плевать на него в этой спешке, что я даже не обратила на Северского внимания.

Я вихрем подлетела к холодильнику, распахнула дверцу, схватила приготовленный Матвеем с вечера треугольный сэндвич в пластиковой упаковке и на ходу сорвала обертку. Запихав бутерброд чуть ли не наполовину в рот, я перехватила бутылку минералки, закинула сумку на плечо и помчалась в прихожую.

У самой двери я бросила вещи на пуфик и начала торопливо натягивать свои летние босоножки на небольшом каблуке. И снова — здравствуйте! — я оказалась в максимально дурацкой позе, торча задницей кверху, пока ремешок второй босоножки никак не желал застегиваться на щиколотке.

В этот самый неподходящий момент моя сумка на пуфике снова разразилась громкой трелью — телефонный звонок. В панике, бурча невнятные проклятия из-за застрявшего во рту сэндвича, я начала судорожно копошиться в сумке одной рукой, балансируя на одной ноге с расстегнутой обувью.

Вдруг пространство вокруг меня сузилось. Прямо рядом со мной склонилась огромная, мощная грудa изрисованных черными татуировками мышц. От Кирилла пахло дорогим парфюмом, утренним кофе и едва уловимым горьким табаком. Он опустил передо мной на одно колено. Его большие, сильные пальцы аккуратно перехватили мою щиколотку, отчего по моей коже мгновенно пробежал электрический разряд, и он уверенно, легким движением застегнул ремешок босоножки.

Я от неожиданности даже опешила, замерев на месте и перестав копать в сумке. Кирилл медленно поднял голову, глядя на меня снизу вверх своими льдистыми, пронизательными глазами, в которых плясали черти. На его губах играла ленивая усмешка.

Не успела я прийти в себя и выдать какую-нибудь колкость, как его рука молниеносно взметнулась вверх. Кирилл просто вырвал мой сэндвич у меня изо рта, оставив в моем набитом рту лишь жалкий, небольшой кусочек, и с невозмутимым видом сожрал остальное прямо у меня на глазах.

— Козел! — невнятно буркнула я с набитым рогом, едва не подавившись.

Наплевав на продолжающий надрываться телефон, я яростно толкнула входную дверь и побежала по дорожке на улицу, в сторону своей припаркованной машины.

— Хорошего дня, Карамель! — донесся мне в спину его низкий, хриплый хохот. Кирилл стоял в открытых дверях особняка, вальяжно облокотившись о косяк и с аппетитом доедая мой честный завтрак.

— Чтоб ты подавился, Северский! — во весь голос крикнула я, на ходу снимая сигнализацию, запрыгивая за руль своей иномарки и с визгом резины срываясь с места.

Я хоть и опоздала, но препод сегодня был в на редкость благодушном настроении, поэтому лишь снисходительно кивнул на мои робкие извинения и жестом велел проходить на место. Отработав на чистом автомате две невыносимо длинные пары, мы с Катькой пулей полетели в студенческую столовую на большой перемене. Мой несчастный, ограбленный Северским желудок уже безумно хотел есть, издавая дикие звуки.

— Ну и что у тебя стряслось? — спросила Катюха, делая глоток из стакана со смузи, которое вечно таскала с собой ради своей очередной диеты.

— Кирилл вернулся, — глухо процедила я, зло вонзая вилку в сочную котлету, загребая следом гору картофельного пюре и для верности откусывая приличный кусок от мини-пиццы. Еда таяла во рту, возвращая мне силы для злости.

— Да ладно?! — Катька чуть своим смузи не подавилась, вытаращив на меня огромные глаза и застыв с открытым ртом.

Катька знала о Кирилле абсолютно всё. Мы дружили с самого раннего детства, и я, начиная класса со второго, регулярно плакалась ей в жилетку из-за его отъезда. Первое время я послушно транслировала ей успокаивающие слова Матвея — мол, Кирилл просто очень занят, у него папа сильно болеет, ему некогда. Потом, когда до нас дошли вести, что дядя Рома умер, я снова оправдывала его: «Ему сейчас тяжело, у него куча дел, некогда...» А потом Матвей и вовсе перестал что-либо говорить, натываясь на мои расспросы глухой стеной молчания. Тогда-то я и поняла, что меня предали.

Я была так зла на него все эти годы! Катя помнила каждую мою истерику. В средней школе мы со злости вместе рисовали его наглую морду на последних страницах тетрадок, а потом с остервенением выкалывали ему глаза острыми грифелями карандашей. Или пририсовывали ему огромные ветвистые рога, дурацкие усы и закрашивали зубы черным. Это была наша личная терапия.

И вот, спустя десять лет нашей бесконечной дружбы, я сижу в той же позиции и снова плачусь ей — только уже потому, что этот урод вернулся во плоти.

— И... и что, он будет жить с вами?! — Катя испуганно прикрыла рот ладошкой, округлив глаза еще сильнее. А потом, нервно хихикнув, прыснула: — Надеюсь, ты ему яд в утренний кофе подсыпать не собираешься?

Я в ответ лишь молча и очень многозначительно сощурила глаза, медленно пережевывая пищу.

— Эй, Леонова, хорош, торгуй лицом попроще! — Катька замахала на меня руками, забавно отсаживаясь чуть дальше по скамье. — Я не собираюсь терять лучшую подругу только из-за того, что тебя за решетку посадят! Тебе тюремная роба не пойдет, поняла?

От её паники весь мой воинственный запал на секунду испарился, и мы обе громко, до колик рассмеялись на всю столовую, привлекая внимание парней за соседними столиками.

С Катькой всегда было так — она умела превратить мою самую мрачную драму в повод для шутки.

В конце пар мы вышли с Катюхой под ручку, направляясь к моей машине, когда к нам размашистой походкой подошел Макс.

Внешность у него была, конечно, модельная, чего уж греха таить. Симпатичный шатен с мягкими, слегка выющимися волосами, которые всегда аккуратно лежали, и теплыми карими глазами. На нем была простая черная спортивная кофта на молнии с капюшоном, которая хорошо подчеркивала его подтянутую фигуру. Макс выглядел как типичный правильный и милый парень из университета — полная противоположность тому мрачному, татуированному урагану, который прочно обосновался в моей прихожей.

Он тут же собственнически приобнял меня за талию, притягивая к себе, и оставил влажный след на щеке от своего звонкого причмока.

— Привет, красавица. Какие планы на вечер? — улыбнулся он, заглядывая мне в глаза. — Может, в кино? Или ко мне?

Я аккуратно отстранилась, утирая мокрую щеку тыльной стороной ладони, и выдала самую хищную из своих ухмылок:

— О нет, Максик. Планы на сегодня грандиозные. Буду вытравливать одного очень наглого козла с моего поля. Тараканы в моем доме зажрались, пора проводить дезинфекцию.

Катка тут же покатила со смеху, прекрасно понимая, о ком речь, и бесцеремонно пихнула Макса в плечо, оттаскивая его от меня.

— Так, Ромео, давай, галка, лети отсюда на другой забор! У Леоновой сегодня по плану битва не на жизнь, а на смерть. Не мешай женщине готовиться к войне.

Макс только недоуменно захлопал глазами, переводя взгляд с одной из нас на другую. Еще раз захихикав над его растерянным лицом, я помахала ему рукой, запрыгнула в машину и поехала провожать Катюху до дома.

К особняку я вернулась только под вечер. Уставшая, измотанная, еле перебирающая ноги. Все-таки ходить весь день в университете на босоножках с каблук — это чистое самоубийство. Пятки горели синим пламенем, и единственное, о чем я мечтала, — это скинуть обувь, дойти до кровати и больше не двигаться.

Стоило мне войти домой, как я тут же без сил скинула сумку с тетрадями прямо на пол и буквально плюхнулась на пуфик. Стягивая эти чертовы босоножки, я издала такой громкий стон облегчения, что он эхом разнесся по пустому холлу.

Но расслабиться мне не дали. Из-за угла гостиной тут же лениво высунулась темная голова, и я от неожиданности знатно вздрогнула. Кирилл опирался плечом о косяк, держа в руке стакан с ледяной водой.

— Слышу такие звуки и уже подумал, что ты притащила в дом мужика, пока брата нет, — усмехнулся он, нагло разглядывая мои голые ступни.

— Пока что мужиков в дом тащит только он! — зло прошипела я.

Я резко подобрала сумку с пола и, гордо вскинув подбородок, направилась к винтовой лестнице.

— Брата сегодня не будет, — вкрадчиво проговорил Кирилл уже снизу, когда я почти поднялась на второй этаж. — Матвея вызвали на объект, там какие-то проблемы с проводкой. Так что меня оставили за старшего.

От его слов я тут же обомлела и замерла на ступеньке, даже не дойдя до конца. Внутри всё похолодело от мысли, что мы в этом огромном особняке остались совершенно одни. Я медленно повернула к нему голову, крепче сжимая лямку сумки.

— Это он, конечно, зря, — ядовито выдавила я. — Вдруг ты решишь снова свалить? Так лет на двадцать на этот раз. Ты же у нас мастер спорта по исчезновениям.

Кирилл лишь картинно закатил глаза и отставил стакан в сторону.

— Хочешь поговорить об этом, Карамель?

— Нет! — тут же громко крикнула я, перебивая его. — Избавь меня! Мне вообще всё равно на тебя и твои причины, ясно? Просто не маячь у меня перед глазами, и мы отлично поладим. И да! — я развернулась и строго ткнула в него указательным пальцем сверху вниз. — То, что ты теперь живешь через стенку в гостевой, не дает тебе права выходить на балкон. А уж тем более курить там!

— На *твоей* балкон? — Кирилл медленно выгнул одну бровь, и на его губах заиграла порочная, хищная улыбка чудовища.

— Да! Просто напомним, что он один на наши две комнаты. Перегородка чисто символическая. Поэтому даже не смей туда суваться!

Не став слушать его ответ, я развернулась и тут же ушла в свою комнату, громко хлопнув дверью.

Пока я делала уроки и готовилась к сдаче экзаменов, в комнату пополз странный, резкий запах. Мой балкон был приоткрыт на проветривание. Я тут же нахмурилась, отложила ручку и решительно вышла на свежий воздух. Ну конечно! Этот идиот стоял у самой двери своей комнаты, вальяжно прислонившись к косяку, и курил.

— Я же сказала не курить! — прошипела я, скрестив руки на груди и сверля его яростным взглядом через невысокую балконную перегородку.

— Ты сказала не курить на балконе, — усмехнулся он, выпуская изо рта густое облако дыма и даже не думая тушить сигарету. — А я курю в комнате. Технически я закон не нарушал, Карамель.

Я лишь злобно рыкнула от его непробиваемой наглости, круто развернулась и вернулась к себе. С силой захлопнув балконную дверь, я продолжала бубнить под нос проклятия в адрес этого татуированного гада.

По завершении всех учебных дел я решила, что заслужила награду. Натянула большие беспроводные наушники, врубил музыку на полную громкость, чтобы полностью отгородиться от присутствия Северского в доме, и пошла вниз, на кухню. Из недр морозилки я выудила большое ведерко мороженого. Спустившись в гостиную, я с ногами уселась на диван и принялась есть его прямо из ведра.

Но и тут меня ждало полное фиаско.

Я даже очередную ложку не успела засунуть в рот. Вдруг краем глаза я заметила быстрое движение. Прямо около моего плеча наклонилась знакомая фигура и бесцеремонно сожрала всё лакомство прямо с моей ложки.

Я тут же вздрогнула от неожиданности и замерла на месте, во все глаза уставившись на пустую ложку в своей руке. Сдернув наушники на шею, я услышала его довольный, хриплый голос:

— Карамельное... Моё любимое.

Я перевела взгляд с ложки на его довольную физиономию, и мое лицо исказила гримаса полного отвращения.

— Фу-у-у! — тут же скрючилась я, демонстративно отодвигаясь от него. — Нельзя взять другую ложку и не облизывать мою?! Это просто отвратительно!

— С каких пор ты такая брезгливая стала? — Кирилл усмехнулся и одним легким, пружинящим движением перепрыгнул через спинку дивана, усаживаясь рядом со мной вполоборота. Он закинул руку на спинку дивана позади моей головы, сокращая дистанцию до минимума. — Помнится, раньше мы ели одно мороженое на двоих и ты не жаловалась.

— Ты мне раньше как брат был! — в сердцах отозвалась я, прижимая ведерко к груди, как щит.

— А теперь? — Кирилл прищурился, и его глаза опасно потемнели, ловя каждое движение моих губ.

— А теперь ты степной козел! — отчеканила я. Северский после моих слов тут же нахмурился, и его ленивая ухмылка мгновенно испарилась. Понял, что перегнул. — Теперь ты чужой, ясно? Никто ты мне. Вообще никто! Поэтому не жри мои бутерброды, не облизывай мои ложки и не пей из моих чашек!

Я со злостью всунула ему в руки это ведро вместе с ложкой, резко встала с дивана и быстрым шагом направилась в сторону кухни, чтобы помыть руки и хоть как-то унять внутреннюю дрожь.

— Ты стала горькой, Карамель! — прикрикнул он мне вдогонку из гостиной. В его голосе снова послышалась легкая, издевательская усмешка, но я спиной чувствовала, что мои слова про «чужого» заделали его эго куда сильнее, чем он пытался показать.

Я лишь гордо фыркнула, не оборачиваясь, и скрылась за дверью кухни.

Я весь вечер безвылазно просидела в своей комнате. Спускалась вниз только пару раз — налить стакан ледяной воды да перекусить на скорую руку. Всё остальное время я яростно зубрила эту проклятую учебу. Мне нельзя было завалить грядущий экзамен. На кону стояла моя повышенная стипендия и, что важнее, гордость перед Матвеем, который так много в меня вкладывал.

В комнате царила невыносимая духота. Кондиционер не спасал, поэтому я настежь распахнула балконную дверь, впуская в спальню прохладный ночной воздух и стрекотание цикад. Забравшись с ногами под пушистое одеяло прямо с огромным, тяжелым учебником по экономике, я продолжила читать. Формулы, графики и термины сливались в сплошную серую кашу. Я зубрила до самой середины ночи, пока в какой-то момент глаза не начали закрываться сами собой. Телефон на тумбочке показывал три часа ночи, когда я окончательно отрубилась, так и не выключив настольную лампу...

Сквозь тяжелый сон и вязкий полумрак комнаты я словно кожей почувствовала чье-то чужое, слишком близкое присутствие. Воздух вокруг стал как будто гуще, а в шлейф ночной прохлады примешался едва уловимый, знакомый аромат горького табака и дорогого парфюма.

Кое-как приоткрыв отяжелевшие веки, я сонно обвела глазами спальню. В темноте никого не было. Только легкие занавески колыхались от сквозняка из балконной двери. Я заторможенно огляделась: настольная лампа была выключена, а тяжелый учебник, с которым я засыпала в обнимку, аккуратно лежал на прикроватной тумбочке, бережно заложенный тонкой закладкой на нужной странице.

В голове промелькнула смутная мысль: «Странно, я совершенно не помню, когда успела его убрать и выключить свет...» Мозг, измученный зубрежкой, наотрез отказался анализировать эту странность. Решив, что сделала всё на полном автомате перед тем, как окончательно провалиться в сон, я поглубже зарылась носом в подушку. Натянув пушистое одеяло до самого подбородка, я снова улеглась на бок и так же быстро, в ту же секунду отрубилась, погружаясь в беспамятство до самого утра.

Глава 3

По ту сторону льда

Кирилл

Когда я парковал свою машину у кованых ворот этого чертова стеклянного особняка, мои ладони впервые за много лет едва заметно дрожали. На заднем сиденье лежала белая коробка с пышным голубым бантом. Я весь день колесил по городу, поднял на уши всех старых знакомых, перерыл закрытые аукционы и отдал сумасшедшее, просто космическое количество бабла перекупщикам за единственный экземпляр этого редкого коллекционного издания «Красавицы и Чудовища». Я чертовски спешил успеть именно к её восемнадцатилетию. Я знал, что моя Карамелька уже взрослая, но в моей голове она всё ещё оставалась той маленькой девчонкой с опухшими от слез глазами, которую я когда-то убаюкивал сказками.

Я ожидал увидеть что угодно, когда переступил порог дома Леоновых. Думал, что она бросится мне на шею, будет плакать, кричать, расспрашивать. Но когда я поднял глаза и встретился с ней взглядом... у меня внутри всё оборвалось.

Я подумал, что обознался. Передо мной стояла совершенно роскошная, умопомрачительная девушка. Да, родные черты лица узнавались мгновенно — те же упрямые губы, тот же разрез глаз. Но это была взрослая, уверенная в себе женщина. И она... была вообще не рада меня видеть. Вместо детских объятий я натолкнулся на глухую стену из ледяного высокомерия, колючих, пропитанных ядом слов и чистой ненависти.

Каждое её язвительное слово про «подачки бродягам» било мне прямо в сердце, выжигая там новые шрамы. Но я привык держать лицо. В моем мире проявление эмоций — это смертный приговор, поэтому я лишь привычно, порочно усмехался ей в ответ.

Я не мог объяснить ей причину своего исчезновения. Не имел права. Если бы я рассказал Матвею и Каралине, в какое дерьмо вляпался мой отец перед смертью и какие люди за нами охотились, я бы подписал им смертный приговор. Я уехал, чтобы защитить единственную семью, которая у меня осталась. За десять лет в моей жизни не было и дня, чтобы я не вспоминал эту смешную, капризную Карамель. Каждый чертов день в перерывах между криминальными разборками я перебирал в руках старые, пожелтевшие фотографии из мыльниц или подолгу залипал на экран старенького телефона, разглядывая наши пиксельные снимки из детства. Воспоминания о том, как я воровал её оладья и как она засыпала на моем плече, были единственным, что грело мою прогнившую душу в том аду.

После смерти отца я окончательно ушел по наклонной. Ввязался в самые грязные, черные дела криминального синдиката, долго выбивал себе место под солнцем, ломал кости, получал пули и в итоге на этом же дерьме и поднялся, возглавив группировку. Как только ситуация в бизнесе наконец образумилась, контракты были легализованы, а я понял, что могу временно выйти из тени и залечь на дно, я сразу же помчал к ним. К моему Матвею. К моей Карамели.

Я ехал сюда с твердой уверенностью, что возвращаюсь к своей некровной младшей сестренке, которую буду опекать и баловать. Но реальность ударила меня под дых.

Какого хрена? Смотря на неё в этой пижаме, смотря на её длинные ноги в этих издевательски коротких шортах, я с ужасом осознал: ни хрена она мне не сестра. То дикое, первобытное, собственническое влечение, которое вспыхнуло во мне при виде её губ, к сестрам не чувствуют. Между нами была чертова бездна в десять лет разницы, шрамов и моего криминального прошлого, но мне впервые в жизни стало плевать на правила.

Когда она швырнула мне в грудь мою книгу и со слезами на глазах выкрикнула, что я идиот и никогда не интересовался её жизнью, я едва сдержался, чтобы не перевернуть эту бар-

ную стойку и не прижать её к себе. А ночью... ночью я просто не смог совладать со своей одержимостью. Я тайно перешагнул через символическую перегородку нашего общего балкона, бесшумно вошел в её душную спальню, где она уснула прямо с учебником.

Я бережно забрал из её рук книгу, заложил страницу, выключил свет и укрыл её одеялом. Я стоял в темноте и слушал её ровное, спокойное дыхание, сходя со ума от желания коснуться её кожи.

Она была права. Я был козлом, идиотом и всем остальным, как она меня называет. И я действительно ей не брат.

Была бы она ещё младше — я бы с пеной у рта ей доказывал обратное. Доказывал, что я ей как брат. Что я сопли ей вытирал и на руках кружил половину её детства, пока сам ещё был зелёным сопляком. Но сейчас... Передо мной стояла настоящая, уже взрослая, совершеннолетняя девушка. И я ни хрена не хочу быть ей братом.

Мне хочется прикоснуться к этим губам, смять её нежную кожу пальцами и ласкать всю ночь, слушая её стоны.

Я резко тряхнул головой, с силой выкидывая это чёртово наваждение прочь из мыслей. Нельзя. Я не мог вот так просто взять и растоптать многолетнюю дружбу с Матвеем. Брат доверил мне самое дорогое, пустил под свою крышу, а я смотрю на его сестру как оголодавший хищник.

Но я ничего не мог с собой поделать, когда моя Карамель была так близко. Она стала безумно гордой, и это меня заводило. Она стала колючей, выпуская свои иголки при каждой нашей встрече, и это притягивало сильнее любого магнита.

А её вызывающие образы просто конкретно рвали мне башню. Эти ультракороткие рваные шорты, обтягивающие топы, открытый плоский живот... С каждым её шагом по дому во мне закипала ярость. Хотелось прямо сейчас закрыть её в комнате и не выпускать в таком виде наружу. Чтобы ни один ублюдок в этом городе, включая её Максика, не смел даже смотреть на то, что с этих самых дней принадлежит только мне.

Я навис над ней в полумраке комнаты. Внутри всё горело от бешеного, сдерживаемого коктейля из нежности и тёмной одержимости. Присев у края кровати, я аккуратно убрал непослушную тёмную прядь волос с её лица. В холодном лунном свете, струящемся из открытого балкона, её лицо казалось невероятно хрупким, спокойным и умиротворённым. Совсем как в детстве.

Только сейчас от этого вида у меня перехватывало дыхание совершенно по-другому.

Я смотрел на её пухлые, приоткрытые во сне губы и мысленно повторял её имя. Каралина.

— Кара... — едва слышно, одним лишь дыханием сорвалось с моих губ. — Ты ведь знаешь, что твоё имя означает расплату? Моя личная кара. И я готов нести её всю свою жизнь. Готов гореть в этом аду, лишь бы ты была рядом.

Поддавшись сумасшедшему импульсу, я медленно протянул руку. Мой палец, привыкший к холодному металлу оружия, коснулся её тёплой, бархатистой щеки. Очертил линию челюсти и плавно спустился к нижней губе. Каралина едва заметно вздохнула во сне, слегка подавшись навстречу моему прикосновению, отчего моё сердце пропустило удар.

Я прикрыл глаза, до боли сжимая челюсти. В голове яркой вспышкой нарисовалась картина: как я наклоняюсь, собственнически впиваюсь в эти сладкие губы, ломаю её гордость и заставляю стонать под моим телом, забыв обо всём на свете. Соблазн был слишком велик. Воздух в её спальне стал удушающе горячим.

С трудом заставив себя разомкнуть веки, я медленно убрал руку. Рано. Ещё слишком рано. Она должна сама прийти в мой капкан.

Я бесшумно поднялся, бросил на неё последний взгляд и так же тихо, как пришёл, растворился в ночной темноте балкона, закрывая за собой дверь.

Я проснулся рано — в принципе, как это всегда и происходило за последние десять лет. Привычка, выработанная годами постоянного контроля и ожидания удара в спину, не позволяла мне валяться в постели до обеда. На часах не было и семи утра, когда я уже натягивал спортивные штаны.

Спустившись на просторную, залитую утренним солнцем кухню, я первым делом занялся кофемашиной. Пока дом спал, я сварил себе крепкий черный кофе без сахара, от одного аромата которого мозг наконец начал трезветь после тяжелой ночи. Из холодильника достал продукты и на автомате приготовил нехитрый завтрак — яичницу с беконом. Заодно пожарил стопку оладий, то и дело косясь на пустую тарелку на столе и вспоминая, как одна маленькая вредина тоже любила их у меня воровать.

Устроившись за барной стойкой, я открыл в телефоне мессенджеры и принялся внимательно читать закрытые криминальные сводки и новости от моих людей. В городе пока всё было относительно тихо, каналы поставок работали без сбоев, но расслабляться было нельзя. В моем бизнесе секундная слабость стоит жизни.

Около восьми утра входная дверь особняка тихо щелкнула. В холл вошел Матвей — уставший, с темными кругами под глазами после бессонной ночи на объекте, но чертовски довольный. Судя по его лицу, все проблемы с проводкой и документами на стройке удалось решить.

Я отложил телефон, поднялся со стула и молча включил кофемашину заново, чтобы сварить порцию и для него. Матвей на ходу скинул куртку, устало потянулся, хрустнув позвонками, и тяжело опустился на соседний барный стул, блаженно зажмурившись от запаха свежего эспрессо.

— О-о-о, Кир, ты святой человек, — прохрипел брат, принимая из моих рук горячую чашку и делая первый жадный глоток. — Я думал, до кровати не дойду. Ну, рассказывай, как дела? Как вчера день прошел, пока меня не было? Вы тут дом не разнесли?

Я оперся ладонями о гранитную столешницу, лениво прищурился: — Да всё отлично, Матвей. Можешь выдохнуть. Твоя сестра меня вчера даже не побила. Правда, пыталась испепелить взглядом и запретила дышать в сторону балкона, но я выжил.

Матвей хрипло, во весь голос рассмеялся, едва не пролив кофе на свои джинсы. — Ну, Карая может, да, — качая головой, с улыбкой проговорил он. — Характер у нее — чистый порох. Ты уж не обижайся на нее, Кир. Она просто до сих пор злится, что ты тогда уехал и не звонил. Ладно, я в душ и спать, иначе вырублюсь прямо здесь.

Брат похлопал меня по плечу и поплелся наверх, а я остался стоять на кухне, глядя в окно.

Как раз в этот момент наверху послышался шум, и по лестнице вихрем сбежала Каралина.

— Доброе утро, братик! — звонко прокричала она на весь дом.

Раздался короткий чмок — она на ходу поцеловала Матвея в щеку, обдав кухню сладким шлейфом своих дорогих духов. Было чертовски непривычно видеть её в таких образах. Я-то всё ещё помнил ту смешную детскую пижаму, в которой она спала десять лет назад, а сейчас... На ней был белый трикотажный топ в рубчик с высоким горлом, выгодно облегающий фигуру, и строгие черные шорты с высокой талией, затянутые кожаным ремнем. Идеальные ноги, распущенные каштановые локоны, темные солнцезащитные очки — она выглядела как картинка из модного журнала. И от этого вида у меня внутри снова заворочался ревнивый зверь.

Она снова болтала по телефону, и, судя по недовольному голосу на том конце провода, это был парень.

— Максим, я тебе сказала, во сколько нужно быть? — раздраженно пробурчала она в динамик, открывая шкафчик. — Всё, помолчи, ладно? Живей давай. Если мы опоздаем, я тебе уши накручу!

Сбросив трубку, она с легким стуком бросила телефон на гранитную столешницу. Быстро, уверенными движениями сварила себе кофе, бросила туда льда, сделав холодный латте в стаканчике. После чего выудила из холодильника бутылку воды и уже направилась к выходу.

— Эй, а завтрак? — проговорил я ей в спину, лениво указывая кивком головы на стол, где всё еще дымилась приготовленная мной стопка пышных оладий.

Каралина вздрогнула от моего голоса и резко обернулась. Она на секунду замерла, оглядывая меня в моей домашней майке.

— Забыла про твое существование, — процедила она сквозь зубы, вздернув подбородок. — Надеялась, что вчерашнее — просто кошмарный сон. А нет... ты всё ещё топчешь наш пол. И вообще, я ненавижу оладьи, — Каралина брезгливо скривила свой аккуратный носик, хотя я прекрасно помнил, как в детстве она уплетала их за обе щеки.

Обувая свои элегантные туфли, она снова схватила сумочку и закинула её ремешок на плечо.

Я нахмурился, провожая взглядом её ультракороткие шорты, которые слишком сильно открывали её бедра.

— И куда ты с утра пораньше в таком виде? — мой голос прозвучал куда жестче и требовательнее, чем следовало бы.

Каралина замерла у самой двери, обернулась и смерила меня уничтожающим взглядом поверх темных очков:

— А тебе-то что, Северский? Не делай вид, что тебя внезапно заботит моя жизнь. Ты мне никто. Всё, пока!

Чуть позже, когда Матвей уже ушел к себе отсыпаться, я тоже покинул особняк. Город встретил меня привычным шумом, но в моих мыслях все еще стоял образ Каралины в этих чертовых коротких шортах. Пришлось силой заставить себя переключиться на работу.

Один из моих временных офисов располагался в самом центре, на верхнем этаже не приметного делового центра. Никаких вывесок, полная конфиденциальность. Внутри все было обустроено по моему вкусу: панорамное остекление с видом на серые крыши, звукоизоляция, мебель из темного дуба и минималистичный кожаный диван. Здесь, в одном из закрытых кабинетов, меня уже ждал человек. Молодой, амбициозный парень по имени Илья, которого я временно поставил курировать местное крыло нашего синдиката.

Мы разместились за столом и принялись подробно обсуждать важные дела, ради которых я, в принципе, и приехал в этот город. Легализация старых теневых активов, подписание договоров с новыми поставщиками, распределение долей — всё шло пока что очень даже гладко. И именно это меня настораживало сильнее всего. В моем мире никогда ничего не преподносят на блюдечке. В моей жизни легким и сладким не бывает ничего... если только это не карамельное мороженое, украденное с ложки моей Карамельки.

Илья протянул мне свежую папку с финансовыми отчетами.

— Все подставные фирмы чисты, Кирилл Романович. Проверки из налоговой нам не грозят, они закрыли глаза за приличный процент. Вот, посмотрите пункты расходов на логистику, — парень самодовольно улыбнулся, уверенный, что заслужил похвалу.

Я бегло пролистал документы, и одна из строчек заставила меня хрипло, цинично усмехнуться. На бумаге всё выглядело идеально, но я слишком хорошо знал изнанку этого бизнеса. Я заметил крошечную нестыковку в датах отгрузки на складах. Почти незаметный след чужого длинного носа.

— Что-то не так? — Илья мгновенно растерял всю свою спесь, заметив, как изменилось мое лицо.

— Да так... вспомнил вот одно дельце, — тихо, почти ласково проговорил я, медленно закрывая папку.

Я откинулся на спинку кожаного кресла, а затем резко поддался вперед, опираясь локтями о стол и заглядывая парню прямо в душу. В моем голосе не осталось и капли человечности — только замораживающий свист.

— Тех, кто плохо выполняет мои поручения или пытается за моей спиной утаить хоть копейку, я обычно отдаю на съедение бродячим собакам. В самом прямом смысле. Вот сижу и думаю... отдать тебя туда прямо сейчас или повременить? Дать тебе шанс до завтрашнего утра?

Парень ощутимо напрягся, его лицо мгновенно побледнело, а на лбу выступила испарина. Он судорожно сглотнул, прекрасно понимая, что Северский шутить не умеет.

— Кирилл Романович, клянусь, это просто опечатка бухгалтера! Всё перепроверю лично. Всё будет выполнено в срок и без единой ошибки, уверяю вас!

Я внимательно вглядывался в его испуганные глаза еще несколько долгих секунд, наслаждаясь своей абсолютной властью. Наконец, я удовлетворенно кивнул.

— Свободен.

Поднявшись со своего кресла, я застегнул пуговицу пиджака и вышел из кабинета, оставив парня приходить в себя.

Не успел я дойти до машины, как телефон в кармане брюк неумолимо начал орать, нарушая тишину подземной парковки. Я достал трубку и, увидев на экране имя друга, нажал на кнопку ответа.

— Я думал, ты всё ещё отсыпaeшь, — усмехнулся я, садясь в кожаное кресло своего автомобиля и бросая телефон на соседнее сиденье, переключив его на громкую связь.

— Какой там сон, Кир, — раздался уставший, но виноватый голос Матвея. — Меня тут партнеры из юридического отдела сорвали, опять какая-то бумажная волокита. Слушай, я знаю, что нагружаю тебя, но у меня к тебе огромная просьба. Можешь заехать по одному адресу и подхватить Каралину? Если тебе, конечно, не сложно и ты где-то недалеко. Она сегодня без машины — её иномарку утром на плановое ТО в сервис угнали, я обещал, что сам заберу её после пар, но у меня снова по горло возникли дела. Будь другом, а, Кир? Спаси ситуацию.

Я завел мощный двигатель, который отозвался утробным, хищным рыком на всю парковку. Внутри меня всё буквально перевернулось от предвкушения.

— Без проблем, Матвей, я как раз близко, — спокойно соврал я, даже не моргнув глазом.

Хотя на самом деле мне нужно было ехать через весь чертов город, пробиваясь через полуденные пробки. Но Матвею об этом знать было необязательно.

— Спасибо, братуха, с меня должок! Скидываю её расписание, она освобождается через двадцать минут, — Матвей с облегчением выдохнул и скинул трубку.

Я отключил связь и крепко сжал пальцами кожаный руль. Я ни за что на свете не упустил бы эту возможность — снова посмотреть на её хмурое, недовольное личико, заставить её злиться и ловить её ядовитые взгляды. Да ради этого я бы сорвался, даже если бы находился в другом городе или на другом конце страны.

Включив первую передачу, я с пробуксовкой вылетел с парковки делового центра и тут же сорвался с места, направляя машину в пункт назначения — к главному корпусу вуза экономики.

Глава 4

Нарушая границы

Долгожданный звонок с последней пары прозвенел так оглушительно, что вся аудитория одновременно выдохнула с облегчением. Мы с девчонками, счастливые, с заветными пятёрками в зачётках, весело брели по длинному университетскому коридору, стремясь поскорее выйти на свежий воздух.

На крыльце вуза Катюха крепко обняла меня и пулей побежала в сторону припаркованной машины своего старшего брата, который приехал её забрать.

— Пока, Каралина! Вечером споемся! — крикнула она на ходу, забавно помахав мне рукой.

Я осталась стоять на ступенях, высматривая среди плотного потока машин знакомый кроссовер Матвея. Брата нигде не было видно. *«Странно, он же обещал, что сам заберёт меня из-за ТО»*, — промелькнуло в голове.

В этот самый момент со спины ко мне подскочил Макс. Не успела я и глазом моргнуть, как его сильные руки перехватили меня за талию, отрывая от земли. Он закружил меня прямо на глазах у выходящих студентов, громко, на весь двор крича:

— Леонова, я сделал это! Я получил отлично по психологии! Представляешь?!

— Поздравляю! — искренне рассмеялась я, легонько хлопнув его по плечу, пока у меня кружилась голова. — Опустим меня, сумасшедший! У меня, кстати, тоже отлично. Не зря я вчера зубрила до середины ночи, пока от усталости не вырубилась.

Макс с широченной улыбкой аккуратно поставил меня обратно на асфальтированный тротуарчик. Он всё ещё держал руки на моих бедрах и, поддавшись порыву радости, снова оставил свой фирменный влажный след от поцелуя на моей щеке.

И именно в эту секунду, прямо напротив нас, воздух буквально разорвал оглушительный, яростный и затяжной автомобильный сигнал.

Я от неожиданности знатно вздрогнула и инстинктивно отшатнулась от Макса. У самой обочины, перегородив выезд остальным, стоял роскошный, хищный чёрный автомобиль с тонированными стеклами. С тихим жужжанием переднее стекло медленно опустилось, являя миру Кирилла Северского.

Он лениво положил татуированную руку на открытое окно, поигрывая перстнями. Кирилл был в чёрной рубашке с расстегнутым воротом, из-под которой пугающе и маняще виднелись чернила татуировок. Он смотрел на нас в упор, и его глаза сейчас напоминали два куска застывшего антарктического льда. На губах играла ядовитая, пугающая улыбка, от которой у меня по спине пробежали мурашки, а Макс рядом как-то сразу притих и напрягся.

— Запрыгивай, Карамель, — низким, обволакивающим голосом, в котором отчетливо слышался скрежет металла, проговорил Кирилл. — Брат занят. Тебя велено доставить домой в целостности и сохранности. Без... постороннего мусора.

Он красноречиво скользнул тяжелым, обещающим проблемы взглядом по Максиму, а затем снова зафиксировал его на мне.

Внутри меня тут же проснулся дух противоречия.

Я демонстративно повернулась к Максиму, мило улыбнулась и, хлопая ресницами, заговорила громко, чтобы Северский точно услышал:

— Ну, раз у брата дела, меня отлично отвезет Максим. Да, Макс? — я заглянула парню в глаза.

Макс, почувствовав поддержку, мгновенно расправил плечи. Он снова по-хозяйски положил руку мне на талию, притягивая к себе, и довольно кивнул, бросив вызов мужчине в черном автомобиле:— Конечно. Без проблем довезти. Моя ласточка там на парковке.

— Вот и всё, — проговорила я, победно улыбаясь Кириллу и шутливо размахивая своей маленькой сумочкой на цепочке. — Можешь ехать обратно по своим делам, Северский. Нас провожать не нужно.

Кирилл лишь с тяжелым шумом вздохнул, качая головой. В следующую секунду дверца его роскошного авто распахнулась, и он вальяжно вышел наружу. Высокий, пугающе мощный. Он подошел к нам легкой, бесшумной походкой хищника, молча и бесцеремонно отодвинул от меня Макса одной рукой, даже не глядя на него. Кирилл буквально возвысился над бедным студентом как глухая скала, полностью закрывая меня от него.

Он медленно склонился к моему уху. От его сумасшедшей близости, жара татуированного тела и резкого запаха дорогого парфюма с табаком у меня даже дыхание сперло. Сердце испуганно забилось в самом горле.

— Не сядешь сама, Карамель, — вкрадчиво, обжигая кожу шеи, прошептал он, — я запишаю тебя в багажник прямо при всех этих сопляках. И довезу до дома по самой разбитой дороге в округе.

Он плавно отстранился, оглядел меня с ног до головы ехидно скалясь, и добавил чуть громче:

— Думаю, темно-фиолетовый тебе чертовски пойдет.

Мои глаза округлились. Это он сейчас что... намекает на синяки на моей нежной коже от его жестких рук?! Или меня так тарабанить в багажнике будет?

Я яростно фыркнула, но испытывать судьбу и проверять, реально ли он засунет меня в багажник на глазах у препода по экономике, не стала. Когда Кирилл с издевательским поклоном распахнул передо мной дверцу машины, я послушно, хоть и со злостью, уселась на заднее сиденье, демонстративно отвернувшись к окну.

— Свободен, — коротко, как плетью ударил, бросил Кирилл застывшему в шоке Макс.

Северский захлопнул за мной дверь, и сам сел за руль. Заблокировав центральный замок, он плавно выехал с университетского двора. Машина двигалась мягко, в салоне играла какая-то тихая музыка.

Проехав пару кварталов, Кирилл поймал мой уничтожающий взгляд в зеркале заднего вида и широко, совершенно обезоруживающе улыбнулся.

— Ну, как дела, Карамель? Как экзамен?

— Нормально, — грубо бросила я, демонстративно отвернувшись к тонированному окну и скрестив руки на груди. — Было бы ещё лучше, если бы меня не хотели в багажнике везти.

Кирилл тихо, хрипло рассмеялся, плавно перестраиваясь в крайний ряд.

— Ну, технически, ты сидишь в комфортабельном кожаном салоне, Карамель. До багажника дело не дошло. Хотя, признаться, вид сзади, когда ты копалась в сумке, мотивировал меня ускорить процесс погрузки.

— Помолчи, а? — ядовито процедила я, смерив его отражение в зеркале уничтожающим взглядом. — Избавь меня от своих плоских шуточек. Разомни язык вон на бродячих собаках, Северский.

На его лице на долю секунды промелькнуло удивление. Но он быстро вернул себе маску ленивого превосходства.

— Ого, какие мы зубастые. И кто же научил мою маленькую девочку так больно кусаться? Этот твой Максик? Кстати, о собаках. Что это за сопляк? Он хоть знает, с какой стороны за девчонку держаться надо, или только слюни пускать умеет тебе на лицо?

Я почувствовала, как к горлу подкатывает горячая волна въевшейся в кости обиды.

— Макс, по крайней мере, парень со словом. Он не исчезает, когда становится тяжело, и не прячется по норам. И он не трусливый врун, Кирилл.

В салоне мгновенно повисла тишина. Музыка из динамиков вдруг показалась слишком громкой. Улыбка мгновенно сползла с лица Кирилла. Его пальцы на руле сжались так, что побелели костяшки, а желваки на лице заходили ходуном.

Мне было абсолютно плевать, что он сейчас чувствует. Плевать, больно ему или нет. Своё я уже давно отплакала, пережила и отболела в те детские годы, когда каждую весну караулила его у окна. Да и лучшим другом, а уж тем более вторым братом, я его больше не считала. Для меня он был очередным уродом, который только и умеет, что вешать лапшу на уши маленьким девочкам, обещать всегда быть рядом, а потом сливаться.

— Ты ничего не знаешь, Каралина, — глухо, пугающе низко отозвался он, не отрывая взгляда от дороги.

— И знать не хочу! — проговорила я, подаваясь вперед. — И мне совершенно всё равно, по какой такой «уважительной» причине ты испарился. За десять лет — слышишь? За десять долгих лет! — даже в самой сложной, самой дерьмовой ситуации можно было найти одну чертову минуту, чтобы просто позвонить. Написать СМС. Прислать открытку. Подать знак, что ты жив! Но ты выбрал просто стереть нас. Так что не надо сейчас строить из себя заботливого братика. Ты для меня никто.

Кирилл молчал. Он так сильно нажал на педаль газа, что стрелка спидометра резко поползла вверх, а машина хищно ускорила, обгоняя попутные легковушки. Он злился. Внутри этого мужчины сейчас бушевал настоящий ураган, но мне было сочно и сладко от этой маленькой победы. Я задела его эго. Я напомнила чудовищу, что его сказки больше не работают.

Оставшуюся часть дороги до особняка мы ехали в абсолютном молчании..

— Я могу тебе всё рассказать, — вдруг тихо и пугающе серьезно проговорил он, вырвав к нашему дому за высокие кованые ворота.

Машина плавно остановилась на подъездной дорожке особняка. Кирилл заглушил двигатель, и в салоне повисла тяжелая тишина. Мужчина медленно обернулся ко мне, и в его потемневших глазах я впервые увидела странную, давящую глубинную усталость вперемешку с серьезностью.

— Но я не думаю, Карамель, что тебе действительно захочется это слушать.

От его вкрадчивого тона во мне с новой силой полыхнула ярость. Ложь, опять бесконечная, удобная для него ложь!

Я резко подалась вперед, практически вплотную приближаясь к спинке его водительского кресла, и буквально прорычала ему прямо в лицо, не скрывая своего презрения:

— Мне вообще не хочется тебя слушать, Северский! Слышишь? Вообще! Я мечтаю только об одном — чтобы этот чертов месяц поскорее закончился, ты собрал свои шмотки и свалил с моей территории раз и навсегда!

Кирилл даже не шелохнулся, лишь его взгляд стал еще более тяжелым и сканирующим. А меня уже было не остановить:

— Не смей лезть в мою жизнь и строить из себя защитника, потому что тебя в ней нет уже очень давно. Ты растерял весь свой лимит нашего общего круга еще десять лет назад, когда просто стёр нас. Ты для меня — чужой человек!

Я не стала дожидаться его ответа, в котором наверняка была бы очередная порция яда или издевок. Резко дернув ручку, я выскочила из душного салона автомобиля на свежий воздух. Развернувшись, я со всей силы хлопнула дверцей машины — так сильно, что, кажется, стекла жалобно звякнули.

И даже сквозь плотное бронированное стекло и закрытую дверь я отчетливо услышала, как Кирилл Северский внутри салона яростно и громко скрипнул зубами от моей финальной пощечины по его раздутому эго.

Гордой, стремительной походкой я взлетела по ступеням крыльца и скрылась за дверями особняка, чувствуя, как внутри меня дрожит каждая клеточка.

Я стремительно взбежала по лестнице, едва перебирая ноги от душащей меня изнутри злости и обиды, а потом буквально влетела в свою комнату. Захлопнув дверь, я заперла её на замок и без сил скатилась по деревянной стене спиной прямо на пол.

Предательские слезы, которые я так отчаянно сдерживала в машине под его тяжелым взглядом, всё же вышли наружу. Они хлынули из глаз горячим, неудержимым потоком. Я судорожно схватилась рукой за грудь, тяжело, прерывисто дыша, и до боли прикусила тыльную сторону ладони, лишь бы сдержать рвущиеся наружу рыдания. Лишь бы ни одна живая душа в этом огромном особняке, а особенно этот татуированный гад за стенкой, меня не услышала.

Почему? Ну почему мне всё ещё так невыносимо больно?!

Десять лет прошло. Я ведь пообещала себе, что отболела, что стерла его, что задушила эту детскую привязанность. Но стоило ему вернуться, как весь мой карточный домик независимости рухнул. И что это за странное, удушающее, давящее чувство внутри, когда я вижу его так близко? От одного его низкого голоса, от этой его порочной хищной улыбки и ленивого взгляда у меня предательски дрожат колени, а сердце начинает стучать в самом горле. Я злилась на себя за эту слабость. Злилась на то, что его близость пугает и манит меня одновременно.

Кое-как утерев мокрое лицо, я поднялась с колен. С размаху бросила сумочку на кровать и направилась напрямик в душ. Мне нужно было срочно смыть с себя этот сумасшедший день, ледяной водой остудить горящую кожу и смыть этот чертов невидимый след от его присутствия.

Пока Матвея всё еще не было дома, внизу хлопнула входная дверь. Сердце пропустило удар, и я подумала, что Кирилл всё же ушел по своим делам, оставив меня одну. Вынырнув из ванной комнаты, я наспех замоталась в одно лишь махровое полотенце, едва прикрывающее бедра, и тихонько выскочила в коридор второго этажа, чтобы проверить обстановку.

Тихими, почти бесшумными шагами я двинулась вперед по паркету. Но стоило мне пройти половину коридора, как я замерла. Дверь в спальню моего брата была подозрительно приоткрыта. Слегка заглянув в образовавшуюся щель, я почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот.

В комнате Матвея был Кирилл. Он стоял у его рабочего стола, прижав телефон ухом к плечу, и абсолютно беззастенчиво швырялся в вещи моего брата, перебирая какие-то папки с документами. Он явно что-то искал, целенаправленно заглядывая в ящики стола. Кирилл тихо, вполголоса с кем-то разговаривал. Из-за плотного гула крови в моих ушах и его низкого тембра я не могла разобрать ни единого слова, но сама картина выглядела пугающе. Что этот татуированный гад забыл в вещах Матвея?

От возмущения и испуга у меня перехватило дыхание. Я судорожно прикрыла рот ладонью, пятясь назад и мечтая только об одном — тихонько уйти, пока он меня не заметил. Но Кирилл, словно обладавший звериным чутьем, физически почувствовал мое присутствие и резко обернулся к двери. Его глаза мгновенно зафиксировали меня сквозь щель.

— Потом перезвоню. Да, нашел, — коротко бросил он в трубку и сбросил телефон, не сводя с меня потемневшего взгляда.

Поняв, что я раскрыта, я тут же развернулась и быстро побежала по коридору в сторону своей спальни. Сзади слышались его тяжелые, уверенные шаги — он даже не бежал, он просто шел за мной, как хищник за загнанной в угол добычей. Я едва удерживала сползающее на ходу полотенце, судорожно прижимая его к груди. Влетев в свою комнату, я с силой хлоп-

нула дверь и повернула замок. Из коридора послышался глухой щелчок — дверь в комнату Матвея тоже закрылась.

Я тяжело задышала, прислонившись спиной к дереву, и шумно выдохнула, пытаясь унять дрожь. Спасена...

И только через пару секунд до моего затуманенного паникой мозга дошло. Дверь моего балкона была открыта настежь.

Я в ужасе резко метнулась туда, чтобы запереть пластиковую створку, но было слишком поздно. На моем балконе, вольготно оперевшись спиной о перила и скрестив руки на широкой татуированной груди, уже стоял Кирилл. Он перешагнул через символическую перегородку между нашими комнатами за считанные секунды.

На его губах играла опасная, порочная усмешка чудовища, загнавшего свою жертву в самый центр ловушки.

— Любопытство губит кошек, маленькая Карамель, — вкрадчиво прошептал он, делая медленный шаг с балкона прямо внутрь моей спальни...

— Я не разрешала тебе заходить в мою комнату, — твердо проговорила я, изо всех сил удерживая на груди сползающее полотенце. — И... я всё расскажу Матвею! Зачем ты вообще залез в его вещи? Что тебе нужно было в его комнате?

Кирилл на мои угрозы лишь хрипло, порочно усмехнулся. С абсолютным спокойствием он запустил руку в карман брюк, достал оттуда маленькую черную флешку и лениво покрутил её между пальцами.

— Твой брат сам попросил меня забрать её из его рабочего стола и привезти ему, Карамель. Матвей забыл её, пока в спешке уезжал в офис. А вот мне действительно интересно... — он сделал шаг вперед, и его холодный взгляд намеренно медленно скользнул по моим обнаженным плечам вниз, к мокрым каплям на коже. — Почему ты бродишь по дому в таком виде, зная, что здесь находится мужчина?

Я упрямо вздернула голову, стараясь не выдать свой страх перед его пугающими размерами.

— Моему брату плевать на то, как я выгляжу. На то он и брат! А я думала, что ты ушел. Даже жалко, что ты всё ещё здесь.

Я снова судорожно поправила полотенце, мысленно молясь всем богам, чтобы ткань оставалась на мне. Руки ходили ходуном от того, как этот гад лениво, по-кошачьи приближался ко мне, продолжая ехидно усмехаться.

Северский подошел вплотную. От него веяло чистым, осязаемым жаром. Прежде чем я успела отшатнуться, его большая ладонь взметнулась вверх. Кирилл жестко перехватил обе мои руки своей одной, сжимая их прямо на моей груди вместе с краями махрового полотенца. Бежать было некуда. Ткань натянулась, плотно облекая моё тело, и я оказалась полностью в его власти.

— Моя Карамель слишком любопытна, не так ли? — вкрадчиво, опасно проговорил он, низко склоняясь к моему лицу, так что я почувствовала аромат его парфюма.

— Забудь это слово, Северский! — яростно прошипела я ему прямо в губы, отчаянно пытаясь не смотреть на его татуированную шею. — Ты больше не имеешь права называть меня так.

— Почему же? — Кирилл прищурился, и его усмешка стала шире. — Разве не я нарек тебя этим словом пятнадцать лет назад? Или тебе больше нравится сокращение? Кара... — его голос упал до интимного шепота. — Я был бы очень рад, если бы ты по-настоящему покарала меня. Это даже забавно, когда ты стреляешь в меня своими детскими молниями.

— Пошел вон! — выдохнула я, изо всех сил дергаясь в сторону и пытаясь вырваться из его железной хватки.

— Я спрячу все твои конфеты, Карамель, за такое поведение, — снова проговорил он со знакомой хрипотцой, и его свободный большой палец едва ощутимо, до мурашек коснулся моей горячей щеки.

Мое тело сработало быстрее разума. По старой детской привычке я обиженно надула губы, как делала это в восемь лет на кухне. Но осознав, какую глупость совершила, тут же взяла себя в руки и ледяным тоном прошептала:

— Я ненавижу конфеты, Северский. И тебя я тоже ненавижу.

Кирилл медленно разжал пальцы, отпуская мои запястья, но его взгляд продолжал буквально выжигать на мне клеймо. Больше не желая оставаться с этим чудовищем в одной комнате, я резко развернулась и, придерживая полотенце, сама быстрыми шагами вышла из собственной спальни в коридор, чтобы спрятаться.

Глава 5

Порочный маршрут

Кирилл

Весь оставшийся вечер до прихода Матвея Каралина старательно меня игнорировала. Впрочем, если честно, мне самому сейчас было совершенно не до её милых детских колкостей. Работа в этом городе с ходу показала свои недочёты, выкатив наружу те самые скрытые бугры и проблемы, о которых я и подозревал. И это конкретно меня бесило. Внутри всё клочкотало от ярости. Мне нужно было срочно вернуться обратно в офис и самому со всем этим дерьмом разобраться, заставив пару идиотов хавать землю. Но я ловил себя на упрямой, сумасшедшей мысли: я не хотел уезжать из этого особняка, пока окончательно не обуздаю характер своей строптивой Карамельки. Она въелась мне под кожу.

Ближе к ночи вернулся Матвей. Мы переместились в гостиную, открыли бутылку дорогого сухого вина и просто болтали о том, у кого как сложилась жизнь за эти долгие десять лет. Если честно, Матвей далеко не глупый парень. Он прекрасно видел мои шрамы, часы, повадки и понимал, что мой бизнес далеко не так чист, как ему хотелось бы. Но он не сопротивлялся тому, кто я есть. Для него я оставался Киром — человеком, который когда-то делил с ним последнее и закрывал спиной. В криминал он не лез, вопросов лишних не задавал, за что я кристально его уважал.

Около одиннадцати часов вечера тихую мужскую беседу безжалостно прервал отчетливый, цокающий звук тонких шпилек со второго этажа.

Я поднял голову, переводя взгляд на винтовую лестницу, и так и замер на месте с бокалом в руке, буквально открыв рот. Чёрт... Воздух из моих легких выбило напрочь.

Каралина спускалась неторопливо, и в этот момент она выглядела как ходячее преступление. На ней был бордовый шелковый топ с глубоким, соблазнительно драпирующимся декольте-качелями, который держался на тонкой лямке вокруг её изящной шеи, полностью обнажая идеальные смуглые плечи и гладкую спину. На груди поблескивала круглая золотая пряжка. Этот топ переходил в экстремально короткую черную мини-юбку, которая так плотно обтягивала её бедра, что у меня перед глазами всё поплыло от ярости и дикого, животного желания. Тонкие ремешки черных босоножек на умопомрачительном каблуке подчеркивали её длинные, загорелые ноги. В руке она небрежно держала маленькую черную сумочку, а её волосы были собраны в высокую, кокетливую вечернюю причёску.

Матвей, судя по звуку, тоже подавился вином. Он резко поставил бокал на столик и нахмурился.

— И куда это ты в одиннадцать вечера собралась в таком виде? — строго проговорил брат, в упор глядя на сестру.

Каралина, абсолютно не обращая на меня внимания, уверенно подошла к барной стойке и легким движением бросила перед Матвеем свою синюю зачётку.

— Ты сам сказал, что я могу отдыхать, как мне вздумается, если получу «отлично» за этот адский экзамен, — победно вскинув подбородок, проговорила она своим сладким, дерзким голосом. — Я получила. Пятерка уже в заметке и в зачетке. Так что я пошла отдыхать. Мы с Катькой едем в клуб, поэтому ночью меня не жди.

Матвей тут же возмутился, всплеснув руками и багровея от злости:

— Каралина, стоп! Отдыхать — это не значит идти ночью в клуб в юбке, которая едва прикрывает твои трусы! Ты с ума сошла?! Время видели?

— Я уже взрослая, Матвей! — резко оборвала его она, и в её глазах вспыхнул упрямый огонек, который я так сильно любил подавлять. — И я сама решаю, как, где и с кем мне отдыхать. Всё, пока!

Она изящным жестом послала брату воздушный поцелуй, а меня напоследок лишь смерила своим фирменным ледяным, уничтожающим взглядом.

Внутри меня в эту секунду с грохотом рушились последние барьеры адекватности. Какой, к чертям, клуб? Какие танцы в таком виде перед толпой чужих ублюдков? В венах закипал свинец, но я заставил себя внешне остаться абсолютно спокойным.

Я лениво отсалютовал ей своим бокалом с вином, глядя прямо в её вызывающие глаза, и хрипло, с едва заметной усмешкой произнес:

— Хорошего вечера, Карамель. Смотри, чтобы улей обратно не покусал.

Она раздраженно фыркнула и круто развернулась к выходу, покачивая бедрами на своих шпильках.

Матвей снова тяжело опустился на барный стул, в один жадный глоток осушая свой бокал до самого дна.

— Извини, Кир, — устало проговорил он, качая головой. — Она совсем отбилась от рук в последнее время.

Я лениво покрутил вино в своем бокале, глядя на закрытую дверь, за которой только что скрылась Каралина.

— Хочешь, я её догоню и закрою в комнате? — вкрадчиво предложил я, и в моем голосе промелькнула опасная полушутливая нотка. — Ну, как тогда, помнишь? Когда у неё была ветрянка, она вся была в зелёную крапинку, а друзья во дворе пищали и звали её в бассейн? Мы же заколотили то окно.

Матвей хрипло усмехнулся, потянувшись к бутылке и наливая себе ещё вина.

— Ей не шесть лет, Кир. Она уже взрослая. Закройте её в комнате сейчас — означает забыть о её существовании на добрый месяц. Она закроется изнутри, будет злиться, игнорировать меня и посылать всё к чертям. Я не хочу рвать и без того эту тонкую, хрупкую связь между нами после смерти родителей. Мне просто... нужно наконец смириться с тем, что моя Карала выросла. Что в её жизни будут другие мужчины, разбитые сердца и тонны сопливых платков. Но вот это плечо, — Матвей с грустной улыбкой похлопал себя по крепкому плечу, — всегда готово её принять и утешить. Так что пусть развлекается. Немного посплетничают с Катькой, потанцуют и вернётся под утро.

Я сделал глоток, пряча циничную усмешку за краем бокала. Матвей был слишком хорошим, слишком мягким братом.

— Ловко она сидит у тебя на плечах, — усмехнулся я, глядя на друга в упор. — Болтает ножками в своих шпильках и плюет прямо тебе на макушку, а ты и рад.

На это Матвей снова заржал на всю кухню, мгновенно сбрасывая меланхолию.

— Ну уж нет, я тоже умею мстить. Она просто завтра не найдет свои конфеты, — хитро проговорил он.

Я удивленно вытупил на него глаза, застыв с бокалом у губ.

— Конфеты? Она же сама мне вчера в лицо шипела, что вообще не ест сладкое и конфеты не выносит.

Матвей залился искренним, громким смехом, поднимаясь со стула.

— Ну конечно, слушай её больше! Она тебе и не такое наговорит, лишь бы характер показать.

Брат подошел к самому нижнему кухонному ящику гарнитура — в сторону которого я за эти три дня даже ни разу не смотрел. Матвей с грохотом выдвинул его, и я едва не прыснул со смеха. Ящик был доверху, просто тонной забит разным сладким миром: шоколадные

батончики, мармеладки, леденцы, дорогие киндеры и куча упаковок с карамелью. Настоящий склад маленькой контрабандистки.

В голове сразу яркой вспышкой промелькнули её слова: *«Я ненавижу конфеты, Северский! И тебя тоже ненавижу!»*

«Врушка, — ласково подумал я, и внутри меня разлилось приятное, обжигающее тепло. — Маленькая, гордая, лживая Карамелька». Она прятала от меня свои слабости точно так же, как прятала эти конфеты в нижнем ящике.

Я заперся в своей гостевой комнате и до глубокой ночи решал рабочие вопросы. Телефон раскалился от звонков. Внутренний контур штормило, и я буквально рычал в трубку, расхаживая по тёмной комнате.

— Реши этот вопрос без меня! — жёстко отрезал я, прижав динамик к уху. — Если потребуется, ликвидируй проблему прямо на месте. Мне нужен этот товар. И если твои люди его не достанут к утру, я лично закопаю их в таком месте, что их вечность искать будут. И тебя вместе с ними.

На том конце провода послышалось испуганное шипение и торопливые ругательства — пацаны поняли, что я не шучу. Я уже хотел сбросить вызов, как вдруг периферийным зрением уловил еле заметное движение за занавеской открытого балкона. В лунном свете там промелькнула тонкая, хрупкая тень.

Я тут же хищно усмехнулся, мгновенно догадавшись, кто решил поиграть в шпиона в три часа ночи. Тихо, абсолютно бесшумно, как тень, я подошел к балконной двери и одним резким, уверенным движением дёрнул этого маленького лазутчика на себя, втягивая внутрь своей тёмной спальни.

Каралина испуганно пискнула, но я моментально перехватил её за талию, прижимая спиной к своей груди, и закрыл ей рот ладонью. Она судорожно забилась в моих руках, пытаясь вырваться. Я продолжал держать телефон у уха, даже не меняя ледяного тона:

— Сломай ему ноги, если придется, — проговорил я в трубку с глухим, звериным рыком. — Пусть сидит до моего приезда так. Наручники снимешь только после моего приказа. Всё, выполняй.

Отключив телефон, я небрежно швырнул его в карман своих домашних брюк.

Я был только в одних свободных спортивных штанах. Моя широкая грудь, рельефный пресс и руки, полностью забитые тёмными татуировками, были абсолютно обнажены. Каралина, зажата в моих тисках, тяжело и прерывисто дышала, а её аккуратная грудь вздымалась в такт моим собственным вдохам.

В полумраке комнаты, залитой лишь холодным лунным светом, её глаза казались огромными и слегка затуманенными. От неё веяло шлейфом дорогих алкогольных коктейлей, клубным дымом и её сладким парфюмом. Моя Карамелька погуляла на славу. Клубный наряд сидел на ней немного растрепанно.

Я медленно убрал ладонь от её губ, но уходить не дал — перехватил её за запястья, заставляя обернуться ко мне лицом. Наша близость была непозволительной, удушающей. Её дикое сердце колотилось под моими пальцами как сумасшедшее.

Я низко склонился к её лицу, обжигая дыханием её покусанные губы, и лениво усмехнулся:

— Ну что, Карамель? Любопытство снова завело кошку в клетку к чудовищу? Напомни-ка мне, какое наказание положено шпионам в моих сказках?

Каралина, несмотря на хмель и испуг, упрямо дернула подбородком, пытаясь вырвать запястья.

— В твоих сказках чудовище обычно получает пулю в лоб, Северский, — выплюнула она мне прямо в лицо свою ядовитую колкость.

Но поиграть в независимую стерву я ей не позволил. Моё терпение окончательно лопнуло. Одним резким, жестким движением я буквально впечатал её спиной в стену. Моя ладонь поднялась вверх, властно перехватывая её за горло — не сжимая, лишь фиксируя на месте и лишая малейшего шанса на побег.

Каралина тут же напуганно, судорожно вздохнула, замирая в моих тисках. Её зрачки расширились, отражая лунный свет.

Я медленно перевел взгляд с её испуганного, но гордого лица вниз, на её тело. И то, что я увидел, красноречиво доказывало — её тело её же нагло предает. Под этим бордовым шелком не было абсолютно никакого белья. Ткань натянулась, и её соски возбужденно налились, явно просачиваясь сквозь тонкий материал топа от близости моего тела. В моем паху в ту же секунду всё дико загудело. .

— Скажи мне, Кара... — прошипел я, снова возвращаясь взглядом к её лицу и чувствуя, как внутри разгорается пожар. — Как мне тебя наказать? Что-то интересное услышала по телефону?

— Я всё расскажу Матвею, — прошипела она в ответ, хотя её голос предательски дрожал. — Он узнает, кто ты. Он вышвырнет тебя отсюда на улицу, бандит!

Я тихо усмехнулся, сильнее прижимаясь к ней всем своим твердым телом так, чтобы она почувствовала моё желание.

— Расскажи, Карамелька... Обязательно расскажи. Вот только подумай на секунду: кому твой брат поверит? Своему лучшему другу, который ни разу его не предал, или маленькой вредной сестре, которая то и дело выставляет свои иголки просто потому, что конфетка ей сегодня кислая попалась?

Каралина тяжело, шумно сглотнула. Я приблизился ещё ниже, обжигая её губы своим дыханием. Мой большой палец медленно, с давящей нежностью провел по её нижней губе, очертил подбородок и спустился к шее.

— Может, мне и правда спрятать все твои конфетки из нижнего ящика, а? — вкрадчиво прошептал я. — Или, может... просто сорвать с тебя этот вызывающий наряд прямо сейчас?

Она тут же мелко задрожала в моих руках, но бежать ей было некуда.

— Ты права, Карамель. Мы с тобой далеко не брат и сестра. И это, чёрт возьми, приятно осознавать...

Я наклонился к её шее, скользнул выше и коснулся горячими губами самой мочки её уха. Каралина от этого прикосновения натянулась как струна, затаив дыхание.

— А знаешь, почему? — прошептал я ей прямо в ухо, отчего по её коже крупными каплями посыпались мурашки. — Потому что то, что я мечтаю сделать с тобой в этой комнате... с сестрами не делают. Их просто оберегают и защищают от таких ублюдков, как я. А тебя я хочу взять. Всю, до самого остатка.

Моя свободная ладонь медленно скользнула вниз по её бедру, сминая шелк юбки и слегка приподнимая её вверх, оголяя нежную кожу. Каралина судорожно выдохнула и упёрлась обеими ладонями мне в грудь, пытаясь удержать хоть какую-то дистанцию, но её пальцы лишь беспомощно скользили помоей горячей коже.

Я заглянул в её затуманенные, полные дикой страсти и страха глаза и хрипло выдохнул:

— Так как же мне тебя наказать, Кара?

Она судорожно глотнула воздух, её грудь бурно вздымалась касаясь моего тела. Но даже в такой уязвимой позиции её колючий характер никуда не делся. Она попыталась выставить вперед подбородок и выдавить очередную ядовитую колкость:

— Смотри не перетрудишься, дедуля. А то мафиозный радикулит прихватит — Матвею придется тебя из этой комнаты на носилках выносить чтобы дать...

Я не дал ей договорить. Моё терпение мгновенно вылетело в трубу. Наклонившись, я жестко заглушил её слабое сопротивление глубоким поцелуем. Каралина даже не успела закры-

чать. От неожиданности она напрочь забыла, как дышать: её глаза удивленно вытаращились в темноте, а пальцы, которые только что робко упирались мне в грудь, инстинктивно взметнулись вверх и вцепились в мои плечи, до боли сжимая кожу.

Этот поцелуй выжигал всё изнутри. Я полностью потерял контроль, сгорая от её вкуса. Моя ладонь скользнула с её шеи ниже, я стал сжимать её в своих крепких объятиях, практически отрывая от пола. Пальцы с силой впились в её округлые ягодицы через тонкую ткань юбки, прижимая её к своему паху, а вторая рука бесцеремонно смяла её грудь, которая так маняще просачивалась сквозь бордовый шелк топа. Каралина тихо, жалобно промычала мне в губы, и в следующую секунду я отчетливо почувствовал, как её тело обмякло, гордость треснула, и она сама, ведомая взрослой страстью, начала робко, но отчаянно подаваться навстречу моим ласкам.

И именно в этот момент, когда она полностью сдалась, в моей голове будто набатом забил голос Матвея: *«Она моя сестра... Не хочу рвать эту связь...»*

Черт. Черт!

С трудом разорвав этот сумасшедший поцелуй, я резко, одним движением отстранился от неё, едва удерживая загнанное дыхание. Мои руки дрожали. Каралина осталась стоять у стены — покрасневшая, с опухшими, зацелованными губами и затуманенным взглядом.

— А теперь проваливай из моей комнаты, — глухо, леденящим шепотом шикнул я на неё, заталкивая собственное желание поглубже в ад. — Если подобное повторится еще хоть раз, Карамель... я больше не буду себя останавливать. И тогда тебе никто не поможет.

Поняв, что только что произошло и как близко она была к полному падению, Каралина мгновенно протрезвела. В её глазах отразился панический шок. Она судорожно поправила юбку и, не произнося ни слова, сорвалась с места, вылетая обратно на прохладный балкон и скрываясь в своей спальне.

Как только дверь за ней с грохотом захлопнулась, я остался в полной темноте. Тяжело, со стоном потерев лицо обеими руками, я без сил опустился на край кровати. Сердце в груди ломало ребра. Я был на грани того, чтобы уничтожить всё.

Глава 6

Сладкий дефицит

У меня был чёткий, идеально выверенный план на весь оставшийся месяц: тотально, бескомпромиссно игнорировать это татуированное чудовище. Я внушала себе, что между нами абсолютно ничего не произошло. Той ночью я просто была не в себе, алкоголь ударил в голову, а в комнату к нему я забрела лунатиком. Ничего не слышала, ничего не знаю, и вообще — я мирно спала у себя в кровати!

Вот только мой гениальный план трещал по швам. Каждый божий раз, когда я выходила из своей комнаты и сталкивалась с ним в коридоре, я буквально покрывалась пунцовыми пятнами от волнения. Стоило мне поймать его взгляд, как в памяти ураганом пронёсся тот горячий поцелуй, тяжесть его изрисованных чернилами рук на моих бёдрах и его хриплый, порочный шёпот у самого уха.

Кирилл больше не смотрел на меня как на ту маленькую девочку с хвостиками. Теперь в его льдистых глазах горело то, от чего у меня перехватывало дыхание. Он смотрел на меня как на плод вожеления. Жадным, раздевающим, абсолютно собственническим взглядом хищника.

А что я?

Я смотрела на него как на что-то смертельно опасное, дикое и недостижимое. Я отчаянно пыталась убедить себя, что он просто снова играет со мной, как в детстве, только ставки стали гораздо выше. Но если отбросить всю мою обиду и посмотреть на Северского ещё раз — трезво, с точки зрения взрослой женщины... чёрт, он был чертовски порочен. Чертовски красив, сексуален и притягателен той самой тёмной, запретной мужской энергетикой. Идеально очерченные скулы, этот его хищный взгляд, безупречно развитое тело, покрытое шрамами и татуировками.

Насколько он опасен в реальной жизни? Тот ночной разговор, который я подслушала... он правда ломает ноги людям? Правда способен убить? От одной этой мысли волоски на моем теле вставали дыбом, а по коже пробежал осязаемый мороз.

Пытаясь унять внутреннюю дрожь, я быстро, как тень, проскользнула мимо Кирилла, который сидел за барной стойкой и лениво листал что-то в телефоне. Мой организм требовал экстренной дозы эндорфинов. Мне срочно, просто жизненно необходимо было поднабраться сахара, иначе я рисковала прямо сейчас грохнуться перед ним в обморок от паники.

Я резко наклонилась, дёрнула на себя наш секретный нижний кухонный ящик, уже мысленно разворачивая любимый карамельный батончик... но стоило мне заглянуть внутрь, как я замерла.

Там было абсолютно пусто. Моя контрабанда испарилась.

Я так и осталась стоять в согнутом положении, чувствуя, как за моей спиной раздается тихий, до невозможного довольный и хриплый мужской смехок...

Я резко развернулась, яростно нахмутив брови и уперев руки в бока. Кирилл продолжал невозмутимо сидеть за барной стойкой, лениво крутя в руках чашку.

— Северский, быстро вернул всё на место! — прошептала я, готовая разорвать его на куски. — Если из-за твоего мафиозного аппетита у меня начнется сахарная кома, Матвей тебя закопает на той самой стройке.

Кирилл лишь невинно пожал широкими плечами и выдал самую наглую из своих ухмылок:

— А я тут при чём, Карамель? Я ничего не брал. И понятия не имею, что там вообще лежало. Может, мыши съели? Крупные такие.

— Матвей! — во весь голос крикнула я на весь дом, чувствуя, как закипаю.

Брат тут же выплянул сверху, лениво оперевшись на перила второго этажа. — Ну чего ты орешь с утра пораньше, Краля?

— Матвей, где моя заначка?! — проговорила я, обиженно надувая губы и указывая пальцем на пустой ящик.

— Ты пришла слишком поздно, Караля, поэтому я их перепрятал, — улыбаясь, отозвался брат, даже не думая меня спасти.

Я отчаянно зарычала и принялась яростно рыться по всем остальным шкафам и ящикам кухни, с грохотом выдвигая их один за другим. Но там были только крупы и кастрюли.

— Верни хотя бы одну! — взмолилась я, оборачиваясь к лестнице. — Пожалуйста!

— Прости, малышка, но ты наказана, — непреклонно отрезал Матвей.

— Я вернулась нормально! Не было и двух ночи! — попыталась оправдаться я, хотя сердце предательски екнуло.

— Ты пила алкоголь, — строго отозвался брат.

Я замерла, и в моих глазах вспыхнул яростный, дикий огонь. Я медленно перевела взгляд на Кирилла. Тот сидел с максимально честным лицом, но в глубине его льдистых глаз плясали черти. Стукач! Чертов татуированный стукач!

— Откуда тебе-то знать?! — прошипела я Матвею, но мой уничтожающий, полный ненависти взгляд был намертво прикован к Северскому.

— Я заходил к тебе с утра в комнату, чтобы забрать пустой стакан, — спокойно ответил сверху брат. — Там перегар стоял такой, как будто ты выпила бочку виски в одиночку.

— Неправда! — смущённо и зло проговорила я, резко оборачиваясь к Кириллу.

Тот лишь лениво пожал плечами, безмолвно говоря: «А я что? Я ничего не говорил». Но мы оба знали, кто устроил мне эту сладкую блокаду.

Внутри меня сорвало все предохранители. Забыв про всё на свете, я схватила со стола кухонное полотенце, скрутила его в жгут и яростно побежала за братом вверх по лестнице.

— Я выкину твою приставку, понял?! — кричала я на ходу, размахивая полотенцем, пока Матвей со смехом уворачивался от моих ударов на втором этаже. — Я разобью её молотком и сброшу с крыши! Ты у меня три месяца в гонки на калькуляторе играть будешь!

— Придется отдать все твои запасы в детский дом, — внезапно донесся снизу спокойный, но пугающе холодный голос Кирилла.

Эти слова ударили меня прямо под дых. Я мгновенно замерла со вскинутым полотенцем. Матвей тоже резко перестал смеяться и застыл на месте, растерянно глядя на друга.

Детский дом.

Это словосочетание мгновенно вскрыло самую страшную, гноящуюся рану в моей душе. Напоминание о том, как после смерти родителей Матвей зубами вырывал у органов опеки право оставить меня себе, чтобы нас не раскидали по разным сторонам. Но восемнадцатилетнему пацану тогда никто не поверил. Меня всё равно забрали на долгих три года, и пока мой брат буквально выгрызал законное право меня опекать, работая на износ и судясь с системой, я жила в этом сером казенном аду. Одинокая, брошенная всеми маленькая девочка.

Кирилл, который когда-то держал меня за руку у могилы и клялся, что никуда не денется, не просто нарушил обещание. Он даже не знал, через что мне пришлось пройти, пока его не было в городе. А теперь этот мафиози хладнокровно шутит про место, которое снится мне в кошмарах.

В глазах мгновенно вскипела горячая пелена слез. Обида, злость и дикая боль смешались в один удушающий ком. Я с размаху бросила кухонное полотенце прямо на пол к ногам Матвея. Стрельнула в брата раненым, полным слез взглядом, в котором читалось обвинение: «Зачем

ты пустил этого монстра в наш дом?», и просто убежала в свою комнату, с силой захлопнув дверь и повернув замок.

Спустя два долгих часа, выплавав все девичьи слезы в подушку, я решила сделать им всем назло. Хватит страдать и запираяться в четырех стенах. Пусть давятся сами своими конфетами!

Я собралась по максимуму. Накрасилась ярче обычного и оделась тоже исключительно назло этим двум собственникам. Мой наряд кричал о бунте: белый обтягивающий топ-кроп в рубчик полностью оголял плоский живот и загорелую спину, а экстремально короткие джинсовые шорты с высокой талией, дерзкими рваными разрезами и бахромой по краям едва прикрывали ягодицы. Дополнили образ темные солнцезащитные очки, изящные золотые часы на запястье и большая брендовая сумка-тоут на плече.

Цокая каблуками совершенно новых, только что распакованных босоножек, я уверенно направилась на выход. Брата внизу не оказалось.

— Матвей, где ключи от машины?! Ты обещал её забрать из сервиса! — крикнула я снизу вверх, надеясь, что он уже пригнал мою иномарку.

— Прости, Краля, но я ещё не успел, дико много работы в офисе! — Матвей тут же высунулся через перила второго этажа... и замер на месте, подавившись воздухом. Его глаза округлились. — Караля, твою мать! У тебя все булки навывкат! Я тебя в монашки отдам, если не прекратишь так ходить!

— На улице жара тридцать семь градусов! — яростно огрызнулась я, вскинув голову. — Хочешь, чтобы с меня там текло огромной лужей? Мне дышать нечем!

— Куда ты вообще собралась? — прошипел брат, уже стремительно спускаясь по лестнице, взбешенный моим внешним видом.

— За сладким! Мне срочно нужно что-то вкусное, раз кое-кто решил поиграть в строгого папочку и отобрал мои запасы!

В этот момент из своей комнаты лениво вышел Кирилл. Стоило ему мазнуть по мне взглядом, как я физически ощутила, как по его телу прошла судорога, а тяжелая мужская челюсть сжалась до белых пятен на коже.

Заметив эту реакцию, я решила пойти ва-банк. Я демонстративно, медленно наклонилась вперед, выставив свои обтянутые денимом округлости прямо перед их лицами, чтобы якобы поправить застежку на босоножке.

— Караля, твою мать! Имей совесть! — шумно выдохнул и шикнул брат, закрывая глаза рукой.

Я тут же резко выпрямилась и развернулась к ним лицом, невинно хлопая ресницами:

— Что я сделала? Матвей, ты начинаешь вести себя глупо.

— Это ты тут задницу нам свою показываешь! Мы не на порносите, Каралина! — Матвей уже всю багровел от злости. — Иди переоденься поприличнее что-нибудь накинь! Платье в пол, штаны... или что там еще нормальные девушки носят?

— Ты собралась идти на улицу в одних трусах? — внезапно подал голос Кирилл. Его тон был настолько низким, глухим и угрожающим, что у меня инстинктивно перехватило дыхание.

Я демонстративно оглядела свой внешний вид, оценивая шорты.

— По-моему, всё на месте. И вообще, Северский, это не твое собачье дело, — я лишь независимо откинула длинные каштановые локоны назад и повернулась к брату. — Матвей, вызови мне такси.

— Кирилл, отвези её, куда ей надо, — тут же скомандовал Матвей, устало потирая переносицу. — А то у меня важная встреча через час, я еще не всё подготовил по документам. Спасай.

Северский вместо ответа лишь лениво, хищно кивнул, засовывая руки в карманы.

— Нет! — тут же панически крикнула я, пятясь к двери. — Я лучше на автобусе тогда доеду! Или пешком дотопаю!

Матвей недоуменно выгнул бровь, переводя взгляд с меня на друга. Кирилл сделал плавный шаг вперед, сокращая между нами расстояние, и его губы тронула леденящая душу ухмылка:

— Дуется за конфеты... — хрипло проговорил он, выдавая брату удобную версию моей истерики.

Прежде чем я успела хоть что-то возразить, Кирилл железной хваткой подхватил меня под локоть, практически лишая опоры под ногами, распахнул дверь и просто вывел меня на раскаленную улицу, навстречу своей машине.

Сказать, что мы мило сели в машину, спокойно побеседовали и обсудили все наши колкие моменты? Нет, нет и ещё раз нет! Меня просто бесцеремонно запихнули на переднее сиденье, пристегнули ремнем безопасности, как какую-то опасную воровку, чтобы я точно не вздумала сбежать на ходу, и лихо увезли к чёрту на куличики. Причём этот татуированный гад даже не поинтересовался, куда конкретно мне надо.

Всю дорогу в салоне стояло такое напряжение, что воздух, казалось, можно было резать ножом. Кирилл с такой силой сжимал руль, что его изрисованные чернилами руки буквально скрипели на дорогой коже. Он что-то яростно бурчал себе под нос, а когда его телефон неумолимо разрывался от звонков, он просто рявкал в динамик: *«Занят! Мне вообще наплевать, кто там у вас сдохнет первым! Приеду — разберусь!»* — и со злостью сбрасывал вызов.

После десятиминутной удушающей тишины он всё же тяжело, шумно выдохнул. Слегка повернул голову, мазнув по мне сложным, потемневшим взглядом, а потом снова забубнил что-то нечленораздельное, зло потирая переносицу. Посмотрев на весь этот сольный концерт, я мысленно съязвила: *«Ну прямо победный мачо Книги рекордов Гиннеса по всем временным показателям агрессии, ревности и психоза! Дайте ему медаль»*.

— Извини, — вдруг глухо выдал он. Это было сказано мягко, непривычно тихо и с реальным, искренним извиняющимся тоном, от которого у меня внутри всё на секунду замерло. — Я не знал про детский дом, — тихо отозвался он, глядя на дорогу.

Видимо, братец всё-таки успел посвятить его в подробности нашего прошлого за те двадцать минут, пока я штурмовала гардеробную после своего психа. На мгновение к горлу подкатил горький ком, но я быстро взяла себя в руки. Скрывая за колючками старую боль, я демонстративно отвернулась от него к тонированному окну, глядя на пролетающие мимо пейзажи.

— Тебе и незачем было это знать, — сухо и безразлично отозвалась я, крепче сжимая лямку своей сумки. — Мы чужие люди, Северский. Прекрати уже лезть в мою жизнь, ясно? Тебя в ней нет.

— Кто бы говорил, — моментально отозвался он, и его пальцы снова сжали руль до белых костяшек. — «Прекрати лезть»? Тогда почему твой любопытный нос так и норовит лазить на общем балконе каждый божий вечер, м?

Я тут же замерла на месте, чувствуя, как щеки предательски обдаёт жаром. Нападать в ответ — лучшая защита.

— Ничего я не лазаю! — попыталась я яростно воспротивиться, так и не поворачивая к нему лица. — Больно надо за тобой следить!

— Ну конечно, — Кирилл опасно прищурился, притормаживая на светофоре и полностью поворачиваясь в мою сторону. Его глаза буквально пригвоздили меня к кожаному креслу. — И этот твой сегодняшний бунтарский наряд... Что ты им хотела сказать, Карамель? Что тебе на всё плевать? Или... что ты чертовски хочешь меня?

От его самоуверенности у меня челюсть едва не отвисла. А он, нагло и не скрываясь, медленно опустил взгляд к моим голым бедрам в рваных шортах и добавил:

— Или, может быть, ты решила просто показать мне всё и сразу, чтобы я окончательно сорвался?

— Пошел ты! — тут же вспыхнула я, яростно разворачиваясь к нему всем телом. — Как хочу, так и одеваюсь! На улице лето, если ты не заметил. И вообще... у меня парень есть! Слышал? Настоящий, адекватный парень. Так что не набивай себе цену, дедуля. До тебя мне нет никакого дела!

Кирилл на мое упоминание Макса и «дедулю» лишь хищно, до опасного блеска в глазах сузил зрачки, и машина с диким ревом мотора сорвалась с места, унося нас дальше вглубь города...

Он привёз меня на набережную. Стоило машине замереть на парковке, как я пулей вылетела на улицу, даже не успев толком сообразить, куда именно мы приехали. Но сбежать из-под его тяжелого взгляда мне не удалось — Кирилл вышел следом. Его длинные, уверенные шаги в два счета сократили расстояние между нами, и он ловко перехватил меня за запястье, потащив в сторону видневшегося впереди летнего заведения.

— Да отвали ты, а! — тут же зашипела я, отчаянно вырываясь и пытаюсь разжать его железные пальцы. — Хватит меня таскать как послушную собачку!

Стоило нам сделать всего пару шагов по деревянному настилу от парковки, как дорогу нам преградил проходящий мимо парень. Заметив мои короткие рваные шорты, голый живот и то, как я отчаянно сопротивляюсь, он решил проявить благородство.

— Девушка, у вас всё нормально? — поинтересовался он, косясь на Кирилла. — Нужна помощь?

Кирилл даже не замедлил шаг. Он лишь на секунду обернулся, и его глаза опасно сузились, превращаясь в два смертоносных лезвия.

Ф— Если прямо сейчас не отвалишь, — глухо, со стальным скрежетом шикнул на него Северский, — помощь нужна будет тебе. И не здесь, а в ближайшем травмпункте. Шевели лапами, пока я добрый.

Парень мгновенно побледнел, оценив масштабы этой груды мышц, и поспешил раствориться в толпе.

— Ты просто чудовище! Безжалостное, дикое чудовище! — прошипела я на него, но руку из его хватки уже не вырывала. Не хватало еще, чтобы этот псих действительно прямо на глазах у отдыхающих кого-нибудь поломал из-за своей дурной ревности.

— А ты моя красавица, Карамель, — вкрадчиво, с леденящей душу усмешкой проговорил он, открывая передо мной стеклянную дверь и уверенно усаживая за дальний столик у окна.

По-хозяйски пододвинув ко мне ламинированное меню, Кирилл вальяжно откинулся на спинку стула и тут же стал выбирать что-то для себя.

Я со злостью выдохнула и огляделась. Кафе было огромным, двухэтажным, с высокими потолками и панорамными окнами, из которых открывался роскошный вид на реку и плывающие мимо теплоходы. Внутри было много посетителей — от семейных пар до шумных студенческих компаний. В воздухе стоял умопомрачительный, густой аромат свежемолотого кофе, теплой коричной выпечки и ванили. Интерьер радовал глаз: обилие живой зелени в огромных кадках, мягкие диванчики цвета морской волны и стильные плетеные светильники. Настоящий рай для сладкоежек.

И всё, чего я сейчас хотела от этой жизни — это сладкого. Много, приторно и желательно так, чтобы у Северского от одного вида моей тарелки зубы заныли.

Когда к нам подошел официант, я, не глядя в меню, выдала свой манифест независимости:

— Мне, пожалуйста, большой кусок торта «Прага», шоколадный коктейль со взбитыми сливками и три шарика карамельного мороженого с топпингом.

Кирилл лишь лениво приподнял бровь, глядя на этот углеводный взрыв, и сухо бросил парню:

— Мне просто черный кофе. Без сахара.

Официант быстро кивнул и испарился. В воздухе снова повисло тяжелое, удушающее электричество. Я сложила руки на груди, демонстративно выставив вперед свои обтянутые белым топом плечи, и со всей доступной мне стервозностью посмотрела в его глаза.

— Ну и чего ты сидишь? Заказ сделан, долг перед Матвеем выполнен. Может, ты уже уйдешь, Северский? — ледяным тоном проговорила я, надеясь пробить его непробиваемую броню. — Дальше я сама справлюсь. Без твоего конвоя.

— У нас свидание, — спокойно отозвался он, сверля меня своим тяжелым, немигающим взглядом, и просто лениво сложил руки в замок на столе.

— Чего?! — тут же хихикнула я, причем сделала это так громко и фальшиво, что пара человек за соседними столиками невольно обернулись в нашу сторону. Я поправила солнцезащитные очки на носу и ядовито добавила:

— Извини, Северский, но я с пожилыми на свидания не хожу. Мой лимит на благотворительность в этом месяце исчерпан.

На мою явную грубость Кирилл лишь едва заметно дёрнул уголком губ, ни капли не обидевшись.

— Я ровесник твоему брату, Карамель. Мне всего двадцать восемь.

— Для меня ты стар, ясно? — отрезала я, упрямо вздернув подбородок. — Максимум, что мы можем для тебя сделать — это проводить тебя на медицинское обследование. У тебя явно не все дома, раз ты путаешь семейную принудилровку от Матвея с романтической прогулкой.

Кирилл лениво наклонился вперед, опираясь локтями о стол и сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Из-под расстегнутого ворота его рубашки хищно мазнули чернильные татуировки. — Да неужели? Тогда следующий поход после сладкого ты планировала сделать на карусели? Ведь получается, если я для тебя старый, то ты у нас малышка ещё? Маленькая девочка в коротких шортиках, которая капризничает без сахара.

Я открыла было рот, чтобы выдать ему самую сокрушительную колкость в его жизни, но к нам как раз вовремя подошел официант. Он аккуратно расставил на столе мой углеводный рай: лоснящийся шоколадом кусок «Праги», высокий стакан коктейля со взбитыми сливками и креманку с карамельным мороженым.

— И слюнявчик, будьте добры, — внезапно обратился Кирилл к парню-официанту, даже не моргнув глазом. — Переживаю, что девочка может обляпать свой... бунтарский наряд.

Официант судорожно сглотнул, из последних сил сдерживая профессиональную улыбку, быстро кивнул и буквально испарился от нашего столика. Мои щеки мгновенно вспыхнули от ярости и смущения. Я со всей силы просверлила Северского уничтожающим взглядом, готовая прямо сейчас вонзить в него приборы.

— Грязное чудовище, — отчетливо шикнула я ему в лицо, демонстративно проигнорировав его издевку, и со злостью впилась своей маленькой вилкой в сочную мякоть торта.

Я запихала приличный кусок «Праги» в рот, надеясь, что сладость заглушит то дикое, сумасшедшее сердцебиение, которое этот гад вызывал во мне одним лишь своим присутствием. Он сидел напротив, неторопливо попивая свой горький черный кофе, и в его глазах плясало такое откровенное торжество, что мне захотелось вылить на его чистую рубашку еще и этот шоколадный коктейль...

Как только я восполнила свой дефицит сахара, мир вокруг перестал казаться таким беспросветно мрачным. Настроение стремительно поползло вверх — я вроде как даже подобрела и начала невольно улыбаться, пока мы неторопливо бродили по набережной под палящим июльским солнцем. На пару минут я даже забыла, какая опасная тень висится за моим плечом.

Но стоило нам сесть в машину и поехать в сторону дома, как этот негодяй включил режим максимального издевательства.

Кирилл демонстративно провез меня мимо пяти разных детских площадок, специально притормаживая у каждой из них. Он вальяжно крутил руль одной рукой, косился на меня через свои темные очки и абсолютно уверенным, вкрадчивым голосом обещал, чтобы я сходила покаталась и он будет пристально следить за мной. Пообещал, что лично проконтролирует, чтобы меня во дворе никто не вздумал приманивать бездомными котятками, не подкупал дешевыми конфетами и, упаси боже, не утащил в темный переулок.

На весь этот бред мне оставалось только яростно фыркать, складывать руки на груди и демонстративно отворачиваться к окну. Тоже мне, нянька с пистолетом выискалась!

Правда, на фоне пережитого стресса мой желудок коварно потребовал вторую волну углеводного штурма. Мне до безумия, просто до дрожи в пальцах захотелось съесть целую упаковку свежих эклеров с жирным кремом или огромную, горячую, сочную булку с черешневой начинкой из местной пекарни.

— Заверни в кондитерскую на углу, — потребовала я, требовательно ткнув пальцем в сторону вывески. — Мне срочно нужна булка.

На мою капризную просьбу Северский лишь громко, во весь голос рассмеялся. Он лениво окинул меня взглядом и выдал:

— Куда в тебя столько лезет, Карамель? С такими аппетитами у тебя скоро из этих шорт задница будет вываливаться во все стороны, как дрожжевое тесто из кадушки.

Я от возмущения даже воздух ртом захлопнула. Ах так?! Тесто?!

— Знаешь ли, на хорошую и качественную выпечку всегда есть повышенный спрос! — моментально отозвалась я, ядовито прищурившись и с вызовом посмотрев на его идеальный профиль. — Так что одна я со своим «тестом» точно не останусь. Покупатели быстро выстроятся в очередь, дедуля.

Кирилл от моей наглости тут же подавился собственными словами. Его смех мгновенно оборвался. Он резко крутанул руль, перестраиваясь, и снова смерил меня таким злым, потемневшим и собственническим взглядом, что у меня по спине пробежал ощутимый разряд тока.

Но, вопреки моим ожиданиям, Кирилл не стал читать нотации. Вместо этого он молча затормозил у самой лучшей кондитерской на углу, заглушил мотор и вальяжно вышел из машины.

Его не было минут десять. Когда дверь авто снова распахнулась, Кирилл запрыгнул на водительское сиденье, держа в руках огромный, шуршащий крафтовый пакет, от которого на весь салон умопомрачительно запахло свежей выпечкой и растопленным шоколадом. Он молча швырнул пакет мне на колени.

Стоило мне заглянуть внутрь и покопошиться в этих крафтовых свертках, как я буквально вытянулась в лице от шока. Он скупил половину витрины! Там лежал мой самый любимый французский эклер в густом темном шоколаде, огромная пышная булка с черешней, еще одна с черникой, сочень с творогом, булка с маком и даже отдельная коробочка с новомодным пирожным «Сникерс». Следом за пакетом мне на колени прилетела холодная бутылка минералки и банка воды с лимоном.

Я ошарашенно посмотрела на него, хлопая ресницами и не понимая, откуда в этом безжалостном мафиози столько скрытой заботы.

— И в заключение... — низким, пробирающим до костей голосом отозвался он.

Прежде чем я успела издать хоть звук, Кирилл резко захлопнул свою водительскую дверь, мгновенно сократил расстояние между нами, нависая над коробкой передач, и склонился к моему лицу. Он перехватил мой подбородок и оставил на моих губах быстрый, но невероятно глубокий и горячий поцелуй. Это длилось всего секунду, но меня прошибло таким мощным разрядом тока, что от неожиданности аж судорога в ногу стрельнула.

— Спасибо... — только и смогла беспомощно прошептать я, пока в голове всё плыло, а мысли путались. Я совершенно ничего не соображала после этого внезапного нападения.

А потом я судорожно трянула головой, пытаюсь прийти в себя. Хорошо, что на мне всё ещё были огромные солнцезащитные очки! Иначе мне было бы безумно, до пылающих щек стыдно смотреть ему в глаза вот так напрямую, выдавая всю свою растерянность и вспыхнувшее желание.

Кирилл лишь медленно облизнул свои губы, смакуя мой вкус, хищно усмехнулся и сорвался с места, направляя машину в сторону дома. А я осталась сидеть на пассажирском сиденье, прижимая к себе пакет со сладостями, чувствуя, что буквально микроинсульт получила от этого Северского. Сердце колотилось как бешеное, и я окончательно поняла: этот раунд остался за чудовищем.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.